

авантюриная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

МИФ СТРАНЫ
ЭДЕЛЬВЕЙСОВ

Антон Леонтьев

Миф страны эдельвейсов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=431882

Антон Леонтьев. Мир страны эдельвейсов: Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-26235-9

Аннотация

Скромная переводчица Наталья Никишина жила в своем провинциальном городке и знать не знала, что окажется в числе наследников миллиардного состояния немецкого графа фон Веллерсхофа, – оказывается, ее бабушка, угнанная во время войны в Германию, согрешила с молодым аристократом. Конечно, законные дети графа вовсе не в восторге от появления родственницы, более того, они решили избавиться от новоявленной наследницы. Спасла Никишину еще одна дочь любвеобильного фон Веллерсхофа – бесшабашная Саша. Теперь им предстоит не только доказать свое право на состояние, но и сохранить жизнь, чтобы им воспользоваться...

Содержание

Пролог	4
Анна. 1942—1979 годы	25
Сашá	128
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Антон Леонтьев

Мир страны Эдельвейсов

Пролог

Окна просторной спальни выходили на Женевское озеро. Стояла тихая, теплая, солнечная погода, столь характерная для начала сентября. Четыре человека – трое мужчин и одна женщина – в напряжении замерли перед огромной кроватью, на которой возлежал гордый и красивый старик.

– Убирайтесь! – произнес он, обращаясь к гостям (то были его собственные дети). – Не желаю вас больше видеть!

Гости покинули спальню. Когда дверь закрылась, один из мужчин, моложавый, с длинными светлыми волосами, истерично воскликнул:

– Ну когда же он умрет? Мне надоело ждать!

Единственная женщина (темные волосы, глубоко посаженные глаза, резкая линия подбородка, ей в действительности было под пятьдесят, однако выглядела она лет на пятнадцать моложе) бросила ему:

– Мориц, возьми себя в руки!

– Нет, Мориц прав, старик просто невозможен, – заявил другой мужчина, солидный, полный, с большой лысиной и в роговых очках. Он был старшим из детей старика и гордил-

ся этим, постоянно указывая на то, что его слово обладает наибольшим весом. – Ему доставляет ни с чем не сравнимое удовольствие мучить нас, – продолжил старший брат. – Зачем он вызвал нас к себе? Неужели старику кто-то донес о той мерзавке, которая уверяет, будто она его дочь? Кто проболтался, неужто Мишель?

Третий мужчина, высокий, худощавый, сутулый, пожал плечами:

– Нет, это не в ее интересах. Вообще-то австриячка меня не беспокоит, а вот навязчивая идея отца найти русскую старуху... Мы должны помешать ему! Он явно не в себе! Следует привлечь психиатров...

– Тогда мы еще больше разозлим его, Отто, – возразила, приняв задумчивый вид, женщина.

– Но что ты предлагаешь, Корнелия? – спросил старший брат. – Старуха-то мертва, ее дочь тоже, а вот внучка жива! Или считаешь, что позволить ему перед смертью увеличить число потенциальных наследников, удачная мысль?

– Нет, Карл, я так не считаю, – ответила Корнелия, – однако...

В зал вошла женщина лет тридцати с небольшим – изящная платиновая блондинка с огромными зелеными глазами.

– Что же ты смолкла, Корнелия? – спросила она насмешливо. – Ведь у дочери не должно быть тайн от своей матери!

– Ты не моя мать, – ответила Корнелия, и в ее темных глазах сверкнул гнев. – Ты, Мишель, всего лишь очередная

пассия моего отца!

– Его законная жена, – поправила ее блондинка.

Внимание трех братьев и сестры приковало появление невысокого мужчины с тонкими седыми усами, в сером костюме.

– Прошу вас, герр Штайнер, – пригласила Мишель, – мой супруг ждет вас.

Она распахнула дверь и пропустила посетителя в спальню старика. Дождавшись, когда Мишель скроется, младший из детей, Мориц, заговорил плаксиво:

– Нам сказочно повезло, что удалось остановить появление статьи об этой девчонке из Вены! Отец пока не в курсе, но если все же пронюхает... Неужели он официально признает ее дочерью?

– Боюсь, что так, – с апломбом произнес Карл. – Я наводил справки – помешать ему практически невозможно. И все только усугубится, если всплывет еще русская внучка. Но, конечно, всякое возможно, и отец может скончаться еще до того, как будут завершены все юридические формальности...

Отпрыски старика обменялись многозначительными взглядами, на несколько мгновений воцарилась тишина. Прервала ее Корнелия.

– Пройдемте в синюю гостиную, – сказала она. – Там нашему разговору никто не помешает.

Когда они оказались в огромном помещении, стены которого украшали синие с позолотой обои, женщина вздохнула:

– Боюсь, что ситуация еще хуже, чем мы предполагаем.

Карл первым делом потянулся к пузатому хрустальному графину, налил себе в бокал виски и одним глотком опорожнил его.

– Прекрати, Карл, – повернулся к нему Мориц. – Ты хотя бы сейчас можешь быть трезвым?

– Я всегда трезв, – заявил старший брат. – И не забывай, с кем имеешь дело, извращенец!

– Ах, не рассказывай сказки, – протянул Мориц, поправляя изящной рукой волнистые мелированные волосы. – Всем известно, что ты алкоголик, Карл. Всего на прошлой неделе мы имели возможность прочесть некую мерзкую статью, к которой прилагались весьма красноречивые фотографии...

Карл побагровел и с грохотом поставил бокал на столик.

– Ты так печешься о репутации нашего семейства, Мориц, а при этом шатаешься по дискотекам и ночным клубам в сопровождении смазливых юнцов, которые потом рассказывают в прямом эфире, как были секс-партнерами Морица фон Веллерсхофа...

– Прекратите! – раздался дребезжащий голос среднего брата, Отто. – Я уже устал от вашей вечной перепалки! Вы оба хороши! Бульварная пресса постоянно сообщает о ваших эскападах.

– А ты нам завидуешь, потому что никому не интересен? – ядовито поинтересовался Мориц, опускаясь в кресло. – Еще бы, ведь ты, Отто, живое олицетворение бездарности, хоть и

с профессорским званием. Ведь известно: место в своем третьеразрядном университете ты получил только потому, что отец пожертвовал ему пару миллионов...

Отто раскрыл рот, чтобы парировать, но его прервала Корнелия, как всегда, собранная и суровая.

– Замолчите же наконец, – сказала она. – У меня имеются три брата, но, похоже, единственный мужчина из вас – я. Не время заниматься семейными склоками, мы должны объединиться и действовать сообща.

Братья нехотя признали правоту Корнелии.

– Отец скоро умрет, однако этот процесс может растянуться на недели, а то и на месяцы, – продолжила женщина. – И за это время он может сделать многое, что в итоге нанесет непоправимый ущерб нашим интересам. Все знают содержание его старого завещания...

– Каждый из нас, его законных отпрысков, получает одну шестую его состояния, – закатил глаза Мориц. – А если верить «Форбсу», оно составляет двенадцать миллиардов, что дает примерно по два миллиарда для каждого из нас.

Корнелия скупо усмехнулась:

– Цифры, которые постоянно муссируют в прессе, скорее занижены, чем преувеличены. Для того чтобы сохранить состояние и не платить огромные налоги, отец и перебрался из Германии в Швейцарию. Что, кстати, поможет нам сэкономить на налоге на наследство. Однако если появится еще один член семьи, а тем более два, то доля каждого из нас ав-

томатически уменьшится...

– Ты имеешь в виду австрийскую самозванку? – злобно сверкнул глазами профессор юриспруденции Отто фон Веллерсхоф. – Она – авантюристка, которая пытается заполучить часть одного из самых больших состояний Европы!

– И весьма прелестная авантюристка, я бы сказал, – промурлыкал Карл, опрокидывая в себя очередную порцию с виски.

– Не забывайте еще и о жадюге Мишель! – воскликнул Мориц, поднимая к потолку унизанные серебряными и платиновыми кольцами тонкие бледные пальцы. – Она тоже получит солидный куш.

– Отец отписал Мишель двадцать пять миллионов и эту виллу, – отмахнулась Корнелия. – Потерю такой незначительной части состояния, право, можно пережить. Правда, она не перестает обрабатывать старика, внушая, что он должен позаботиться о ней и оставить больше.

– И положение значительно ухудшилось после того, как она заявила, что беременна от него, – вставил Карл.

Мориц был в шоке.

– Не верю! Отцу восемьдесят семь, у него не может быть детей!

Корнелия усмехнулась.

– То, что отец до Мишель был женат три раза, все только усугубляет. Но меня более беспокоит ситуация после смерти старика.

– Анализ ДНК! – отрезал Отто. – Слава богу, что имеется множество способов доказать, что отец ее ребенка – не Карл-Отто фон Веллерсхоф, а какой-нибудь тренер верховой езды или садовник.

– В данный момент опасность исходит не от Мишель, – согласилась с братом Корнелия. Затем она развернула газету и продемонстрировала всем фотографию юной женщины с короткими темными волосами и печальными черными глазами.

Заголовок над снимком оповещал: «Внебрачная дочь Карла-Отто фон Веллерсхофа собирается бороться за наследство».

– Только благодаря наличию влиятельных друзей, владельцев медиа-холдинга, в который входит этот таблоид, мне удалось остановить выход в свет статьи, – добавила весомо Корнелия. – Вы видите верстку так и не опубликованного в прошлом месяце номера.

– Предложить шлюшке пятьсот тысяч, от силы – миллион, и она исчезнет с горизонта, – пробурчал Карл. – Сколько их было, подобных этой вертихвостке, называвших себя внебрачными детьми нашего любвеобильного папаши! И все они оказывались мошенниками или мошенницами. Так будет и с Саша́.

– Не думаю, – покачала головой Корнелия, откладывая газету в сторону. – Я проверяла ее историю, она кажется вполне правдоподобной. Хуже всего, что она настаивает на тесте

ДНК, так что, по всей вероятности, она в самом деле наша единокровная сестра.

Мориц, вскочив с кресла, прошелся по синей гостиной и наконец изрек:

– Она должна исчезнуть! Девчонка может смешать мне... я хотел сказать, нам все карты!

– Предлагаешь ее убить? – лениво спросил Карл. – И кто это проделает, братец? Ты? Насколько мне помнится, ты падаешь в обморок от вида крови, что, однако, не мешает тебе предаваться черт знает каким извращениям...

– Лучше на себя посмотри, Карл! – перебил старшего младший брат. – Кто ты такой? Несостоявшийся бизнесмен, который не сумел справиться с возложенными на тебя обязанностями, за что и был уволен собственным отцом. Смех, да и только!

Корнелия, видя, что братья, которые на дух не выносили друг друга, готовы сцепиться, властно взмахнула рукой:

– Прекратить! Вот что и приведет к непредсказуемым последствиям – ваше нежелание забыть прежние обиды и действовать сообща.

– Я не собираюсь ничего забывать, – буркнул Мориц.

– Я тоже, братец, – бросил на него злобный взгляд Карл. – Однако Корнелия права, мы должны на время забыть о наших разногласиях.

– И что ты предлагаешь? – спросил Отто. – Как нам избавиться от мерзавки Саша? По всей видимости, девочка по-

чувствовала запах больших денег и решила идти до конца.

– Сейчас для нас главное – не подпускать ее к отцу, – ответила Корнелия. – Мишель не на нашей стороне, поэтому она может использовать девчонку в своих целях. Пока старик ни о чем не подозревает, но, если ему станет известно о новой самозванке, нам не сдобровать. Однако Саша – наименьшее из зол.

Корнелия замолчала, взглянула на наручные часики и, уже двигаясь к выходу из гостиной, обронила:

– Ждите меня здесь. Я сейчас приведу его.

Она вышла за дверь, оставив трех братьев в недоумении. Корнелия отсутствовала около четверти часа и наконец появилась в сопровождении герра Штайнера, того самого господина с седыми усиками, который неоднократно посещал их отца.

– Что ему здесь надо, Корнелия? Зачем ты его привела? – удивленно произнес Карл. – Он ведь работает на старика!

– И на нас тоже, – ответила сестра. – Мишель покинула виллу. Как обычно, отправилась транжирить наше наследство. Так что нам никто не помешает. Мне удалось переубедить герра Штайнера, и он согласился с тем, что в его же кровных интересах сотрудничать с нами. Герр Штайнер – глава детективного агентства.

Три пары глаз уставились на гостя. Герр Штайнер занял место в кресле, обвел цепким взглядом присутствующих и остановил его на даме.

– В следующий раз, фрау фон Веллерсхоф, прошу устраивать встречи в другом месте. Ведь мой клиент, ваш отец, находится всего в нескольких десятках метров отсюда. Если ему станет известно, что я общался с вами...

– Не станет, – заверила его Корнелия, – слуги работают на меня.

– На нас, сестричка, – поправил ее Карл, отпивая из бокала. – Не забывай, ты сама призвала забыть старые распри и заключить временный мир.

– И как тебе удастся так много пить, причем с самого утра, и оставаться трезвым? – обронил язвительно Мориц.

– Привычка, – лениво отозвался Карл. – Как и у тебя, братец. Ты ведь увлекаешься наркотиками, однако выглядишь потрясающе. Все твои дружки наверняка сохнут по тебе.

Корнелия прервала перепалку братьев, сказав:

– Герр Штайнер, повторяю, вам не о чем беспокоиться. Отец, как вы прекрасно понимаете, находится одной ногой в могиле. И самое разумное – заключить сделку с нами. Зачем он нанял вас?

Глава детективного агентства раскрыл «дипломат», достал оттуда толстую папку и протянул ее Корнелии. Женщина быстро просмотрела бумаги.

– Что это значит? – спросила она испуганно. – Неужели все та старая история?

– Какая? – вставил Отто. – С чертовой русской?

– Да, с Анной, – ответила Корнелия, и братья наперебой

зашумели:

– Но ведь все давно уладилось!

– Нет, не может быть! Не хватало еще этой русской!

– Но уже сколько лет прошло!

– Больше шестидесяти, – проговорила задумчиво Корнелия. – Но отец все еще не забыл ее.

– Ну конечно, она была его большой любовью! – саркастически заметил Мориц. – Отец никак не может успокоиться.

Профессор Отто фон Веллерсхоф попытался вернуть беседу в нужное русло:

– Герр Штайнер, что именно вам удалось узнать? Анна... как же была ее фамилия...

– Никишина, – подсказал Карл, на что Мориц не преминул заметить:

– Братец, для хронического алкоголика у тебя отличная память.

– Да, Анна Никишина... Но она умерла, ведь так? Нет никаких сомнений?

– Верно, – ответил глава детективного агентства, – она скончалась в августе 1999 года от инфаркта.

– Гм, с ее дочерью мы тоже разобрались... – с ухмылкой протянул Отто.

Корнелия одарила его долгим пронзительным взглядом и заметила:

– Ты прав, братец, о ее дочери тебе тоже не стоит беспокоиться. Она, как и мамаша, мертва.

– Тогда в чем проблема? – расцвел Мориц. – И старуха, и ее дочурка давно на том свете. Если отцу захотелось получить пару старых фотографий, то пускай услаждает себя, пока он сам еще не присоединился к своей любимой Анне и ее дочке.

– Профессор, вы правы, и Анна Никишина, и ее единственная дочь Марианна умерли. Однако у Марианны в свою очередь имелась собственная дочь, – сообщил герр Штайнер.

– Ну и что из того? – всполошился Карл и подскочил с кресла, причем так неудачно, что виски из бокала пролился на ковер. – Ее же передали тогда в Союз на воспитание старухе?

– Я почему-то думал, что девчонка тоже умерла, – пробурчал Отто и пристально взглянул на главу детективного агентства. – Или нет? Ведь она появилась на свет в тюрьме?

– Вы правы, – подтвердил детектив, – дочь Марианны, Наталья, появилась на свет 19 октября 1979 года в федеральной тюрьме республики Коста-Бьянка. Роды были чрезвычайно тяжелыми и начались на два месяца раннее положенного срока. Мать скончалась при родах от большой кровопотери. В качестве жеста доброй воли девочку через три месяца передали представителям советского посольства, и те переправили ее в Советский Союз, где воспитанием Натали занялась ее бабка, Анна Никишина.

Карл барабанил пальцами по подлокотнику кресла.

– Девице сейчас двадцать восемь, – изрек он наконец. –

Она что-нибудь знает?

– Судя по тому, что за годы, прошедшие с момента смерти ее бабки, она не предприняла никаких шагов, нет, – ответил герр Штайнер.

– И чем занимается Наталья? – спросил Мориц.

– Живет в русской провинции. Окончила университет, где изучала германистику, и является переводчиком, специализация – немецкий и английский языки.

Карл фон Веллерсхоф оглушительно захохотал.

– Кто бы мог подумать, что она изберет себе именно эту стезю! Прямо-таки насмешка судьбы! Немецкий язык, вы только подумайте!

– Что вы сказали моему отцу? – спросила Корнелия у детектива.

– То, о чем мы договаривались, – ответил тот. – Граф перед кончиной решил разыскать Анну и ее отпрысков. Мне удалось убедить его, что найти их на просторах России не так-то просто. У меня имеется около двух недель, чтобы представить ему окончательный отчет. Хотя, собственно, я мог вручить его вашему отцу уже сегодня...

– Вы правильно сделали, что оставили нашего отца в неведении, герр Штайнер, – очаровательно улыбнулась Корнелия. – Через две недели вы сообщите ему, что Наталья Никишина умерла. Что ее постигла незавидная участь бабки и матери. Увы, все в руках господ:

– А что, если старик решит перепроверить? Он ведь стал

таким подозрительным, – засомневался Мориц.

Корнелия, ничего не ответив, поднялась с кресла и протянула руку детективу.

– Я свяжусь с вами на днях, герр Штайнер. О финансовой стороне можете не волноваться.

Когда глава детективного агентства покинул синюю гостиную, Мориц капризным тоном повторил свой вопрос:

– Сестричка, ты что, оглохла? Что, если отец наймет другое агентство и представители того окажутся не такими сговорчивыми, как этот Штайнер? Тогда старик поймет, что его лихо надули.

– Не забывай, братец, что наш отец не в состоянии передвигаться и практически не покидает свою спальню, – ответила Корнелия, на устах которой блуждала зловещая улыбка. – Кроме того, он полностью доверяет Штайнеру. Отец поверит отчету, который тот предоставит ему.

– А если все же нет? И тогда он узнает, что Наталья жива-здоровая и обитает где-то в России, – заметил Отто. – Я разделяю тревогу Морица. Чрезвычайно опасная игра, Корнелия!

– Не более опасная, чем тогда, в 1979 году, – усмехнулся Карл. – Ведь старик едва не встретился с Марианной. Представляете, к чему бы привела их встреча?

– Но мы вовремя позаботились обо всем, – сказала Корнелия, а Мориц заявил:

– Если все вскрыется, то я ни к чему не причастен! Мне

тогда было тринадцать. И вообще, я был в частном английском интернате!

– Где весьма умело для столь нежного возраста совращал своих одноклассников, – вставил со смешком Карл. – Да, тогда ты ничего не знал, но сейчас-то в курсе!

– Так что же нам делать? – спросил профессор Отто фон Веллерсхоф. – Обманывать отца чревато очень большими неприятностями. Для всех нас. Он может в любой момент изменить завещание...

Но Корнелия перебила его и жестко произнесла:

– Отец – не жилец на свете. Я не допущу, чтобы часть моего наследства досталась тому, кому она не полагается, будь то Саша или Наталья Никишина.

– И каким образом ты намерена этого достичь, сестрица? – спросил с опаской Мориц. – Предложить им отступные?

– А сам бы ты согласился на пару сотен тысяч или даже миллион, знай, что тебе светят миллиарды? – оборвал младшего брата Карл. – Корнелия, не слушай его. Еще несколько недель – и все уладится естественным путем.

– Мы не можем рисковать, – ответила женщина, и в ее темных глазах сверкнула ярость. – Старик не покидает спальню, однако голова у него работает по-прежнему ясно. И он может протянуть еще много месяцев.

– А если он узнает о существовании русской Натальи и австрийской Саша... – содрогнулся Карл. – Боже, не хочу да-

же и думать о подобном!

– Хуже будет, если он узнает о том, что произошло в Южной Америке с Марианной, – вставил Мориц с ехидной миной. – Кто заварил всю кашу? Верно, ты, Карл, и ты, Корнелия. А ты, Отто, был в курсе!

– Я ни о чем не знал, меня поставили в известность только после того, как Марианна оказалась в тюрьме, – возразил профессор фон Веллерсхоф. – Не впутывай меня, Мориц!

– Мы все имеем к произошедшему самое непосредственное отношение, – отчеканила Корнелия. – Поэтому никому из нас не поздоровится, если старик докопается до правды.

– И что, мы должны терпеливо взирать на то, как тает наше наследство? – не успокаивался Карл.

– Пора действовать, – ответила на его вопрос Корнелия. – Саша на днях посетит отца, но, думаю, я сумею сделать так, чтобы старик быстро разочаровался в своей младшей дочери.

– А вот если он пронюхает, что у него имеется внучка... – покачал головой Отто. – Он ведь так и не простил нам, что мы не сделали его дедом. Да он сойдет с ума от радости! И, может статься, опишет ей все состояние. Представляете – все!

– Я не исключаю подобного развития ситуации, – согласилась Корнелия. – Потому-то и нужно позаботиться о том, чтобы старик никогда не увидел Наталью.

– Ты хочешь обмануть его, сообщив, что она умерла? –

поинтересовался Мориц. – Но старик не дурак! Боюсь, он и в самом деле прикажет другому детективному агентству перепроверить сведения, предоставленные ему Штайнером. И что будет?

Корнелия вынула из папки с документами, оставленной герром Штайнером, большую цветную фотографию, на которой была запечатлена молодая темноволосая женщина в сером деловом костюме.

– Я же сказала: отец узнает о смерти Натальи, – сказала она. – И весть не будет подложной, девице придется умереть.

– Ты меня пугаешь, Корнелия! – вздохнул Мориц. – Наталье нет и тридцати, она выглядит весьма здоровой и спортивной. Отчего она вдруг умрет? Да еще в ближайшие две недели?

– Ты не знаешь, отчего умерла ее мать, Марианна? – спросил вкрадчиво Карл. – И почему она вообще оказалась в южноамериканской тюрьме? Поверь, мой тонкокожий братец, убить не так уж и сложно!

Мориц поежился и заговорил жалобно:

– А нельзя обойтись без крайних мер? Может, оставим девчонку в покое? Она ни о чем не подозревает, отец скоро отдаст концы...

– А если он успеет найти ее и решит подарить пару миллиардов? – прервал его Отто. – Нет, Корнелия права, эта русская должна умереть. Причем как можно быстрее.

Корнелия обвела взглядом трех своих братьев – Карл наг-

ло улыбался, Отто исподлобья смотрел на нее, Мориц с испуганным выражением на холеном распутном лице сплетал пальцы в замок.

– Наша цель – получить наследство отца в полном объеме, – провозгласила Корнелия. – Не знаю, как ты, братец, но я не желаю мириться с тем, чтобы часть денег получили те, кто не имеет на них ни малейшего права. То есть Саша́ и Наталья. Поэтому они обе должны умереть.

– Мы – корпорация безжалостных убийц, – усмехнулся Карл.

– Следи за выражениями, Карл! – вспыхнул Отто. – Я, профессор юриспруденции, не потерплю, чтобы меня обвиняли...

– Ты предпочтешь отказаться от своей доли? – иезуитски поинтересовался Карл, и профессор, поправив очки, после короткой паузы заметил:

– Свои деньги я никому не отдам.

– Предлагаю поставить вопрос на голосование, – обвела взглядом братьев Корнелия. – Отныне мы будем действовать коллегиально, чтобы никто в случае неудачи не мог спихнуть ответственность на других. Итак, кто за то, чтобы ликвидировать Саша́ и Наталью?

Она первой вскинула правую руку, безымянный палец которой был увенчан перстнем с травянисто-зеленым изумрудом. Вслед за ней поднял руку, в которой был зажат бокал с виски, Карл.

Отто фон Веллерсхоф, трясая головой, забормотал:

– Я, профессор юриспруденции, не могу одобрить ваш аморальный план.

– Да или нет, Отто? – спросил мягко, но с угрозой в голосе Карл.

Профессор неохотно взмахнул кистью и заявил:

– Так и быть. Но я слагаю с себя всяческую ответственность! Я вынужден действовать так под нажимом обстоятельств.

Все уставились на Морица, который ерзал в кресле. Еще до того, как он успел что-то сказать, полилась мелодия «Dancing Queen», и младший отпрыск Карла-Отто фон Веллерсхофа вытащил из кармана крошечный мобильный телефон, украшенный разноцветными сияющими камешками.

– Звонит Диди, мой... хороший знакомый, – с запинкой сообщил Мориц, – он хочет знать, не могу ли я встретиться с ним...

– Забудь о своих дружках! Позорить имя нашего рода будешь после того, как мы разделим империю отца! – рявкнул Карл и, выхватив мобильный телефон, раскрыл его и произнес: – Мориц сейчас не может подойти, он сдает кровь на ВИЧ.

– Что ты наделал! – заломил руки Мориц. – Диди, бедняжка, до смерти перепугается.

– Ты с нами или против нас, братец? – спросила вкрадчиво Корнелия.

Мориц залепетал:

– Я противник всяческого насилия, я не хочу, чтобы кто-то умирал...

– Но свою долю ты получить желаешь? – усмехнулся Отто.

– Представь: с двумя миллиардами ты сможешь купить себе целый легион всяких Диди и прочих прихлебателей, – грубо заметил Карл.

Мориц закрыл глаза и медленно поднял вверх дрожащую руку:

– Да, я с вами.

– Вот и отлично! – Карл осушил бокал. – Корнелия, что ты намерена предпринять? Подослать к Саша́ и Наталье наемных убийц? В гангстерской России наверняка можно найти пару бомжей, которые за сотню евро перережут девице горло в подворотне.

– Или алкоголиков, – заметил уже оправившийся от шока Мориц. – Впрочем, в таком случае не потребовалось бы даже никого и нанимать, ты сам мог бы все проделать, дорогой братец.

Корнелия, призвав всех к тишине, сообщила:

– Завтра я вылетаю в Москву, где займусь решением проблемы под названием «Наталья». А вам, дорогие мои братцы, поручаю задачу по устранению Саша́.

Карл фон Веллерсхоф, в очередной раз наполнив свой бокал виски, отсалютовал Корнелии:

– Прекрасный план, сестричка. Уверяю тебя, на нас мож-

но положиться. Пока ты в Москве будешь заниматься судьбой Натальи, мы избавимся от Саша́.

Анна. 1942—1979 годы

– Немцы! Немцы на подходе! Их колонна из-за леса показалась! – Димка, влетев в избу, задыхаясь, выпалил зловещие фразы.

Анна попыталась приподняться, но не смогла – слабость охватывала все тело.

– А ну кыш отседова! – раздался грозный голос бабы Шуры. – Не видишь, кончается она, а ты со своей брехней лезешь. Какие тебе немцы, к лешему!

– Баба, да не вру я, честное пионерское! – воскликнул подросток. – Фрицы на мотоциклах прут, а за ними – танки. Ты что, не слышишь, как все гудит?

Анна различала все нарастающее гудение, которое она считала игрой своего воспаленного воображения.

Скрипнула дверь, появился дед Василий.

– Дедушка, подтверди, что немчура на деревню надвигается, – повернулся к нему Димка. – А то баба не верит, думает, что я обманываю.

Дед Василий, перекрестившись на красный угол, в котором когда-то висели иконы, а теперь красовался портрет товарища Сталина, кивнул:

– Не врет малой, Шура, ох не врет. Фрицы вот-вот в деревне будут.

– А где наши-то? – обомлела баба Шура, всплескивая ру-

ками. – Кто нас от иродов германских защитит? Что с нами будет-то?

– Красная Армия вот-вот подоспеет и всех их в два счета разобьет! – заявил с пионерской горячностью Димка. – А нам в партизаны уходить надо, так товарищ Симончук говорит.

– Тьфу на тебя! Какие здесь партизаны? – заголосила баба Шура. – Господи, что же делать, Василий? Да еще Анька кончается! Горе-то какое – сначала малыш, а вот теперь и она сама!

Дед Василий, игнорируя женские крики, подошел к красному углу, взгромоздился на табуретку и взялся за портрет Сталина.

– Дед, что ты делаешь? – закричал, бросаясь к нему, подросток. – Не трожь товарища Сталина!

Мальчишка толкнул старика, табуретка под ним пошатнулась, и дед Василий грохнулся на дощатый пол. Баба Шура, ахая, бросилась к мужу.

– Что ж ты наделал, маленький ирод! Убивцем деда родного сделаться, значит, решил?

Дед Василий, потирая ушибленное колено, пробормотал:

– Немцы придут, Сталина увидят, разозлятся. Нам только хуже будет.

– Товарищ Симончук верно таких, как ты, предателями кличет! – заявил Димка и кинулся к большому ларю. – Где берданка твоя? Если боишься, сам на фрицев пойду! Хотя

бы одного, да уложу!

Баба Шура закатила внуку пощечину:

– На деда-то, родного, нападаешь, стервец? Да куда ты на фрицев с берданкой-то попрешь? Они в два счета душу из тебя вытрясут, нехристи!

Услышав стон, который издала Анна, баба Шура метнулась к печи.

– Все хорошо будет, Анечка, сейчас водички тебе принесу. – Затем она обернулась к Димке: – А о ней-то ты подумал, простофиля? Что с Аннушкой будет, с нами, если ты в немцев стрелять начнешь? Захватчики они окаянные, но ведь все, как один, вооружены! И какие из нас партизаны? Ты, мальчишка сопливый, а мы старики седые. Так что сиди в избе и язык за зубами держи!

Голоса двоюродного деда и бабки доносились до Анны смутно и еле слышно, как будто уши были забиты ватой. И почему все так завершилось? А началось все по-глупому, тем жарким летом, когда на Советский Союз напала фашистская Германия. Анна поссорилась со своим мужем, Геннадием, причем из-за пустяка. Они жили в небольшом провинциальном городке Нерьяновске, где Анна работала в школе учительницей – преподавала немецкий. Геннадий трудился на тракторном заводе мастером. Поженились они в середине тридцать девятого, всего неделю спустя после дня рождения Анны – ей исполнился двадцать один год.

Причиной ссоры, как обычно, была свекровь. Мать Ген-

надия, Таисия Федоровна, проживала неподалеку и каждый день по нескольку раз заглядывала в общежитие, где обитали ее единственный сын и его молодая жена. Таисия Федоровна – Анна это отлично знала – невзлюбила ее с первого взгляда. Хотя что она могла иметь против выбора сына? Невестка была и красавица (статная, с длинной черной косой и задумчивыми серыми глазами), и умница (окончила училище с отличием, получила место в одной из школ, где ее уважали коллеги, ценило начальство и обожали ученики). Наверное, в том-то и заключалась проблема – Таисия Федоровна понимала, что у Геннадия началась самостоятельная жизнь и ее власть над сыном значительно сократилась. Поэтому она не упускала возможности зайти в гости к молодоженам и дать наставления Анне, каждый раз находя повод для недовольства – то обед еще не готов (а ведь Геночка приходит с завода голодный!), то комнатка, в которой ютились молодые супруги, не убрана, и вообще невестка встречает ее нелюбезно и ведет себя вызывающе. Одним словом – деревенщина!

Таисия Федоровна гордилась тем, что была горожанкой, хотя бы и во втором поколении. Пускай Нерьяновск и небольшой городок, однако стратегически важный, имеется несколько предприятий, производящих оружие для защиты социалистической Родины и завоеваний Октября. А вот кто такая Анька, приехавшая из деревни под смешным названием Гусёлка? Захотела за город зацепиться, вот и завертела роман с Геночкой. Конечно, он мужчина видный, красивый

и, что называется, с перспективой, несмотря на свои двадцать пять! Сынок Таисии Федоровны мог бы и на профессорской дочке жениться, и на племяннице директора завода. Вот они были бы для него подходящей партией. И свадьбу бы соответствующую закатили, и стараниями новоявленных родичей молодожены получили бы наверняка неслыханную роскошь – квартиру отдельную.

Но сын пошел весь в мать (Петр Михайлович, супруг Таисии Федоровны и отец Геннадия, полностью находился под влиянием жены и благоразумно во всем с ней соглашался) – такой же своенравный и упрямый. Заявил, что любит Анну и что жениться на ней собрался, и все. Как ни старалась Таисия Федоровна отговорить свое чадо от его намерения, как ни пыталась очернить будущую невестку, выискивая явные и мнимые недостатки и грехи, ничто не помогло. Правда, признаться, недостатков и грехов было не так-то много, вернее, вообще не было – Анна и лицом удалась, и характером, и перспективы в школе, где она работала, у нее были – годков через шесть-семь займет ответственный пост завуча, а потом, глядишь, и директором станет!

Таисия Федоровна не могла признаться даже самой себе, что ревнует сына к невестке, которая похитила у нее любимого Геночку (у нее были еще две дочери, но они не в счет – такие же вялые и апатичные, как и их папаша). Неудивительно, что ее ежедневные визиты к молодым, которые превращались в подлинные инспекции, накаляли ситуацию. Ан-

на каждый раз встречала Таисию Федоровну радушно, даже начала «мамой» называть, но та быстро пресекла эти попытки. Ишь чего, старается лаской и вежливостью ее взять! Не получится, голубушка! Одно хотя бы хорошо – родителей Анны в живых не было, отец с матерью умерли, когда она еще ребенком была, и воспитали ее двоюродный дед и его жена. Были, были новоявленные родственнички разок в Нерьяновске – необразованные, слова нормально сказать не могут, стыдно их знакомым показать.

Так, изо дня в день, Таисия Федоровна воздействовала на сына, внушая ему, что Анна – плохая жена и ему не пара. Геннадий вначале не замечал ее наставлений, затем от них отмахивался, а под конец, как и рассчитывала Таисия Федоровна, стал к ним прислушиваться. И в самом деле, что за жена такая, если не встречает мужа дома, а на столе не стоит горячий обед? Представьте, она все еще в школе, с детьми возится, вместо того чтобы о семье заботиться!

Во второй половине июня 1941 года все и случилось – Анна и Геннадий крепко поссорились. Он обвинил ее в том, что она думает только о себе; она заявила, что его мать слишком уж часто сует нос в дела, которые ее совершенно не касаются.

Зря Анька так сказала, потирала руки Таисия Федоровна, узнавшая обо всех подробностях ссоры от одной из соседок молодой четы. Вернее, правильно сделала невестушка, ведь Генка свою маму очень любит и в обиду не даст!

Чтобы подлить масла в огонь, Таисия Федоровна появи-

лась вечером в общежитии и принялась обрабатывать сына, настропалив его пуще прежнего. Все завершилось тем, что Анна отправилась к себе в деревню – благо, что стояли летние каникулы. Там она хотела прийти в себя, сил набраться, попытаться забыть о произошедшем, думая, что время лечит раны.

Сын остался в Нерьяновске, что было на руку Таисии Федоровне. Она дала себе слово, что в июле, когда Анька вернется обратно от своих стариков, Гена заявит ей, что у них имеется одна-единственная возможность положить конец бесконечным ссорам – развод. Плохо, конечно, развод никто не поощряет, но Таисия Федоровна принялась распускать слухи, выставляя сына в роли жертвы и намекая на то, что у него, бедняжки, другого выхода нет – жена ничего по дому не делает, голос постоянно повышает, даже на свекровь руку поднимает и вообще гуляет на сторону. К тому времени, когда Анна в Нерьяновск заявится, общественное мнение будет на стороне Геннадия и его матушки, и всеобщий гнев обрушится на одного человека – на саму невестку.

Таисия Федоровна не была плохой женщиной, и интриганкой она себя не считала, справедливо полагая, что, как и любая мать, имеет право желать для своего ребенка только наилучшего. А наилучшим, по ее мнению, для ее сына новая жена. Но, как часто бывает в подобных ситуациях, планам женщины не суждено было сбыться, потому что грозные события, отворотить которые никто не в состоянии, обру-

шились на страну.

Гитлеровская Германия напала на Советский Союз, и все разительно переменялось. Анна вернулась из деревни, о прежних обидах забыли. Геннадий в числе первых был призван в действующую армию. Таисия Федоровна даже не могла сказать, что оказалось для нее бо€льшим ударом – то, что сын уходил на фронт, или то, что он снова помирился с Анной. Когда же стало известно, что Анька ожидает ребенка, Таисия Федоровна от злости аж зубами заскрежетала. Вот каким образом невестка решила привязать к себе Геночку! А кто знает, его ли отпрыск-то?

Сын, которого назвали в честь деда Петром, появился на свет в марте 1942 года. К тому времени ситуация в Нерьяновске обострилась – не хватало продовольствия и медикаментов, да и немецкие войска, несмотря на провал блицкрига под Москвой, все дальше и дальше вгрызались в советскую территорию. Письма от Геннадия приходили нерегулярно, Анна с опозданием, но все же узнала, что ее мужа контузило, однако опасаться за его здоровье причин нет.

Таисия Федоровна с первой секунды возненавидела внука, внушив себе и пытаясь убедить других, что «этот страшный ребенок» (в действительности весьма хорошенький мальчик) никак не может быть сыном Геннадия.

К лету ситуация стала критической – немецкие войска подходили все ближе и ближе. Да и Петюша заболел, и никто не мог сказать, что с ним. Мальчик слабел с каждым

днем, врачи не могли ничего сделать. Отчаявшаяся Анна отправилась вместе с ребенком в родную Гусёлку, где, как она считала, будет лучше и ей и сыну. Но получилось хуже: Петья умер от простуды, перешедшей в двухстороннее воспаление легких (квалифицированных врачей в деревне не было, лекарства отсутствовали, а переправить малыша в город не было возможности). Анна никак не могла поверить, что ее мальчика больше нет, и все, что осталось от него, так только небольшой холмик на местном кладбище. Ее охватила апатия, а через несколько дней она и сама слегла.

Тем временем немцы окружили Нерьяновск и неделей позже взяли его. Их целью, как судачили знающие люди, был Сталинград. Сообщение между деревней и Нерьяновском было прервано, и Анна даже при желании не могла бы покинуть Гусёлку.

Женщину лихорадило, болезнь то усиливалась, то отступала. Единственный фельдшер, который имелся в Гусёлке, только разводил руками, заявляя, что ничем помочь не может и Анна, по всей видимости, вскоре последует за своим сыном.

Баба Шура и дед Василий, воспитавшие Анну, пеклись о судьбе внучки, однако и они ничего не могли поделать. И вот деревню постигла судьба Нерьяновска – ее захватили немцы. О зверствах оккупантов ходило много слухов. Говорили, что они никого не жалеют, организуют массовые расстрелы и отправляют людей в свою Германию, где используют в ка-

честве рабов.

* * *

Припав к оконцу, Димка наблюдал за тем, как по дороге катят черные мотоциклы с сидящими на них фашистами. Показались и танки, а следом – пехота. Баба Шура оттащила внука в глубь избы, задвинула на оконце шторку и строго сказала:

– Ты что, смерти моей хочешь, пострелец? Сиди смиренно и не лезь на рожон!

Анна сквозь дрему слышала, как баба Шура начала громко молиться (обычно она делала это тихо, так, чтобы никто не слышал), прося Николая Угодника отвести от них несчастье. Где-то вблизи раздавались жалобные крики, сопровождавшиеся автоматными очередями и наглым смехом.

– Товарища Симончука арестовали! – выдохнул Димка, который, нарушив запрет бабушки, выскользнул из избы и попытался подсмотреть, что же происходит в деревне. – Вытащили в одном исподнем на улицу и куда-то потащили. Говорят, что у сельсовета сооружают виселицу!

Баба Шура перекрестилась, дед Василий спешно принес из сеней топор. Завидев его приготовления к обороне, баба Шура замахала на него руками:

– Старый хрыч, ты что удумал?

– Правильно, дедушка, – заявил воинственно Димка, –

нечего перед фрицами лебезить, сопротивляться надо! Вот товарищ Симончук говорил...

Баба Шура, схватив полотенце, принялась стегать им внука, приговаривая:

– Где теперь твой товарищ Симончук? Немцы его схватили, может, уже повесили. Что же он не сопротивлялся, твой товарищ Симончук? Или, думаешь, такая сопля зеленая, как ты, может с немцами справиться? Да они тебя в мгновение, как клопа, раздавят! Сиди и молчи от греха подальше, Димка!

Их перебранку нарушили громкие голоса. Заслышав нерусскую речь, баба Шура побледнела, прижала к себе Димку:

– Обещай мне, негодник, что не вякнешь ничего и вести себя будешь тише воды, ниже травы. Скажем, что ты у нас дурачок, ничего не соображаешь, тогда, небось фрицы и оставят в покое.

Раздались тяжелые шаги. Анна, лежавшая на печи, чуть приподнялась и увидела нескольких солдат в форме мышинного цвета, с автоматами на груди. За ними следовал дородный господин лет сорока в пенсне – наверняка офицер.

Один из солдат спросил бабу Шуру на ломаном русском: – Курки, яйца, млеко, бабка? Шиво, шиво!

Баба Шура засуетилась, загораживая собой насупившегося Димку. Подле офицера появился верткий сутулый человечек с рыжими усами. Офицер ткнул рукой сначала в деда

Василия, затем в Димку и что-то произнес. Человечек перевел:

– Сколько старику и мальчишке лет?

– Да муж это мой и малый внучок, – запричитала баба Шура. – Дед-то уже старый, из него песок сыплется! А внучок, Димка, не в себе, у него с рождения мозги набекрень, он ничего не соображает. Дурачок, одним словом!

Человечек быстро переводил все офицеру. Тот, потеряв интерес к Димке и деду Василию, подошел к печи и отодвинул занавеску. Тяжелый немигающий взгляд устремился на Анну.

– Внучка моя, хворающая, кончается. У нее болезнь тяжелая, заразная, фельдшер сказал, что надежды нет, – стенала баба Шура.

Офицер, брезгливо поморщившись, отпрянул от печки. Тем временем солдаты, слазившие в подпол, вытаскивали запасы. Офицер указал на портрет Сталина.

– Убрать, – перевел толмач, – немедленно убрать портрет этого негодяя.

– Товарищ Сталин никакой не негодяй! – вспыхнул Димка, выскакивая из-за юбки бабы Шуры. – Наоборот ваш Гитлер – негодяй! Фрицы поганые, всех вас надо перестрелять, как воробьев.

Димка бросился к офицеру с явным намерением ударить его, но что мог поделывать тринадцатилетний подросток против четырех взрослых мужчин, трое из которых были к тому

же вооружены? Один из солдат ударил Димку по голове автоматом, мальчик повалился на пол.

– Щенок поднял руку на представителя германского вермахта, – заявил переводчик. – Подобное карается смертью! Ты, старуха, намеренно обманула меня, заявив, что мальчишка не в себе. За это мы возьмем с собой и твоего мужа! Ну, шевелись, старый придурок!

Баба Шура повалилась в ноги офицеру и, завывая, попыталась умиловить его.

– Баба, оставь! – произнес Димка, голова которого была вся в крови. – Не смей унижаться перед оккупантами. Пробьет и ваш час, мерзавцы! Гитлер карут!

Офицер ударил тяжелой узкой ладонью мальчика по лицу и велел солдатам вывести его на улицу.

– Щенок и старик будут немедленно расстреляны, – произнес переводчик.

Баба Шура завывала, цепляясь за сапоги офицера. Но тот отпихнул плачущую женщину и направился к выходу.

– Herr Oberst!¹ – раздался вдруг голос.

Офицер, слышав немецкую речь, с удивлением обернулся. Анна, всеми забытая, завернувшись в одеяло, стояла около печи. Став всему свидетельницей, она не могла допустить, чтобы деда Василия и Димку расстреляли. Возможно, то, что она делает, безумие и только все усугубит, но она должна что-то предпринять! Анна продолжила по-немецки:

¹ Господин полковник! (нем.)

– Господин полковник, умоляю вас, отпустите старика и мальчика! Мальчик – мой троюродный брат и, как все мальчишки в его возрасте, он сорвиголова. Но ведь это не причина для того, чтобы убить его!

Офицер подошел к Анне и, с интересом взглянув на нее, спросил:

– Где ты научилась так хорошо и почти без акцента говорить по-немецки?

– Я была учительницей немецкого языка в Нерьяновске, – ответила Анна. Она дрожала всем телом, не столько от холода, сколько от страха.

– Подросток будет расстрелян. И старик тоже. Мне знакомы подобные уловки. Вы пытаетесь оказать сопротивление рейху. Этого я не потерплю! Казнь станет для всех уроком!

Димку и деда Василия вывели из избы. Анна знала, что последует дальше – короткая автоматная очередь, и она потеряет двух любимых людей, чья вина заключается в том, что они пришлись не по нраву немецкому офицеру.

– Господин полковник, у вас есть дети? – набравшись мужества, произнесла Анна. Она понимала, что вопрос может стать последним в ее жизни, однако она не могла не предпринять еще одну попытку спасти Димку и деда Василия.

Лицо немецкого офицера окаменело.

– Что ты себе позволяешь, русская! Тоже хочешь сдохнуть? – процедил он.

– Я вижу, у вас тоже есть дети, – начала Анна, понимая,

что терять больше нечего. – Я не сомневаюсь в том, господин полковник, что вы прекрасный отец. Ваши дети наверняка сейчас находятся в Германии. Мальчик и старик – мои единственные родственники. Мой сын недавно умер. Пожалуйста, проявите снисхождение, господин полковник! Вам нет причин бояться нас!

По мере того, как она говорила, лицо офицера наливалось кровью. Анна поняла – она перешла границу дозволенного и теперь последует ужасная реакция. Не исключено, что ее вместе с бабой Шурой тоже расстреляют. И только потому, что она пыталась воззвать к совести немецкого офицера.

Рука офицера скользнула во внутренний карман, Анна зазмурилась. Сейчас он вытащит пистолет и застрелит ее на месте.

– Вот моя семья, – услышала она вдруг голос немца и распахнула глаза.

В руках у него оказалось не оружие, а несколько фотокарточек. На них была изображена тонкая, модно одетая женщина с тремя детьми – двумя девочками и мальчиком.

– Я очень по ним тоскую, – добавил офицер.

Затем, видимо, поняв, что не к лицу ему изливать свою тоску какой-то русской, вздрогнул, спрятал фотокарточки в карман и распорядился:

– Приведите мальчишку и старика обратно, если, конечно, их еще не расстреляли.

Через минуту Димка и дед Василий оказались в избе.

Офицер, смерив Анну странным взглядом, заметил:

– А ты, когда выздоровеешь, нам пригодишься. Нам нужны люди, говорящие по-немецки.

Немцы, забрав почти все съестные припасы, удалились. Баба Шура с ревом бросилась к Анне и, обняв ее, запричитала:

– Так я и знала, что во всем имеется божье провидение! Ты спасла Димку и деда! Бог будет к тебе милостив, Аннушка!

– А я все равно в партизаны уйду! – упрямо заявил Димка. Баба Шура, снова схватив полотенце, принялась стегать внука, приговаривая:

– Тебя и деда едва не расстреляли, а ты снова за глупости? Забудь о партизанах! Иначе в подполье запру!

* * *

Так началась немецкая оккупация Нерьяновска и соседних деревень. Потянулись унылые, полные смертельной опасности, унижений и поборов дни. В избу к бабе Шуре и деду Василию поселили двух солдат, которые заняли жилое помещение. Самим же хозяевам пришлось ютиться в пустом сарае.

Анна медленно, но верно шла на поправку – ее личное горе отступило на задний план, и она все реже и реже думала о смерти Петюши. Оккупанты вели себя развязно и нахаль-

но, требуя продовольствия и издеваясь над жителями деревни. Однажды был обнаружен удушенный немецкий солдат. На следующий день мужчин в возрасте от пятнадцати до шестидесяти пяти лет собрали на площади перед сельсоветом и велели рыть большую канаву. Вечером того же дня каждого десятого из них расстреляли – в назидание остальным.

Офицер (оказавшийся вовсе не полковником, как его величала Анна, а всего лишь майором) наведлся к ним в избу еще раз. Он заявил, что отныне молодая женщина будет работать у него в качестве горничной.

– Ты говоришь по-немецки в отличие от всех остальных примитивных жителей этой чертовой деревни, – сказал он. – Будешь хорошо исполнять свои обязанности, сможешь получать особый паек. Но учти: если посмеешь работать на партизан, то тебя и твою семью немедленно расстреляют!

Димка, узнав, что Анне суждено работать на немцев, сказал:

– Ты должна помочь Родине! Например, раздобыть секретные документы. Или подслушать разговоры фрицев!

В бывшем здании сельсовета, переоборудованном под резиденцию немецких офицеров, работало еще несколько деревенских женщин. На их долю выпала черная работа – ежедневно мыть полы, стирать белье, прислуживать за столом, мыть-чистить посуду, выполнять любые прихоти.

Некоторые из жителей деревни перешли на сторону оккупантов и добровольно записались в полицаи. Одним из та-

ких стал товарищ Симончук, бывший политагитатор, некогда пламенный коммунист и сталинец. Теперь же он расхаживал по деревне, покрикивая на соотечественников и контролируя сбор продуктов и выполнение работ. От бдительного ока бывшего политагитатора не ускользал ни один косой взгляд, он всегда слышал замечания, направленные против немецкой власти, и немедленно докладывал обо всем своим шефам.

– Вот ведь какой гнидой оказался товарищ Симончук! – плевался Димка. – А я ему верил, выше отца родного ценил, а он, предатель, теперь на фрицев работает!

Симончук упивался своей властью и измывался над жителями деревни больше и чаще, чем сами немцы. Именно он навел на след нескольких раненых партизан, которые прятались в подполье одного дома, он указал, кто был членом партии и кто грозился саботировать приказания немцев.

Всех, кого он выдавал, постигала одна и та же участь – неминуемая смерть. Симончук, плешивый рыхлый тип с гнилыми зубами и масляными глазками, давно, еще задолго до войны, подкатывал к Анне, однако получил от ворот поворот. Однако, как выяснилось, не забыл отказа и все еще питал надежды в отношении молодой женщины.

Как-то в конце октября он заявился к Никишиным. Димка, увидев своего бывшего кумира, пробурчал крепкое ругательство. Полицай, вывернув подростку ухо, произнес:

– Ну вот что, сопляк: еще раз услышу, велю деда с баб-

кой расстрелять. А теперь марш отсюда, молокосос, я хочу с Анькой поговорить!

Она знала, о чем собирается с ней беседовать Симончук. Еще в бытность свою политагитатором он, что называется, клал глаз на красивых молодых женщин, а когда заделался полицаем, то вовсе потерял голову. Оккупационные власти сквозь пальцы смотрели на его проделки, предпочитая не вмешиваться. Все в Гусёлке знали, что одного слова Симончука достаточно, чтобы человека убили – или, наоборот, пощадили. И он беззастенчиво пользовался своей властью.

Баба Шура и дед Василий поспешно покинули избу (к тому времени солдат, что обитали у них, перевели к соседям, и Никишины снова вернулись из сарая в дом). Симончук водрузил на стол бутылку вина и коробку конфет.

– Вот, красавица, для тебя, – промурлыкал он.

Анна ощутила еще большее отвращение к полицаям. Симончук ей никогда не нравился, но в роли предателя и палача он был мерзок и одновременно жалок.

– Давай налетай, – стал открывать коробку Симончук. – Знаешь откуда? Из самой Германии! Ты такого в жизни не пробовала, Аня.

Затем полицай откупорил бутылку, налил себе в бокал, осушил его и, крикнув, продолжал разглагольствовать:

– Красное рейнское. Такое офицеры пьют, вот и мне кое-что перепало. Нет, ежели по мне, так лучше нашей самогонки ничего на свете нет. Но я же для тебя, Аня, принес. Ну,

чего стоишь, присаживайся!

Он хлопнул ладонью по колченогой табуретке. Женщина все не решалась последовать приглашению. Симончуку это не понравилось. Опорожнив второй стакан, он зло буркнул:

– Ну что ты ломаешься, как дворянская дочка? Не видишь, Анька, как я для тебя стараюсь? И вино заграничное принес, и конфеты шоколадные с начинкой – все для тебя! А ведь мог просто оттащить на сеновал, задрать юбку и...

Симончук загоготал, демонстрируя черные зубы. Анна, не шелохнувшись, стояла посреди комнаты.

– Вот ты какая гордая, – процедил, подходя к ней вразвалку, Симончук. От него разило вином, потом и луком. – Как ты думаешь, Анька, как немчура поступит, если узнает, что твой муженек Генка служит в рядах Красной Армии? И не простым солдатом, а уже до лейтенанта дослужился. Получается, что ты вражеская жена.

– Откуда... откуда ты знаешь? – выдавила из себя Анна.

Симончук помахал перед ее лицом несколькими письмами.

– Писал тебе твой ненаглядный, когда ты валялась больная после того, как твой сыночек сдох. Они приходили на адрес сельсовета, я их и удержал. Любит он тебя, твой Генка, будь он неладен. Вернее любил, потому что убили его.

Женщина приглушенно вскрикнула.

– Нет у тебя больше мужа, – зашептал Симончук, и его потные руки легли на грудь Анны. – Да даже если и был бы,

какая разница... Товарищ Сталин – на хрен его! И коммунизм в далеком прошлом, мы теперь будем с не меньшим усердием строить тысячелетний рейх. И только тот, кто мозгами обладает, то есть такой, как я, сумеет выжить. Я что, не знаю, к чему все идет? Вот как Сталинград через пару недель фрицы возьмут и Москву от Кавказа отрежут, бензин-то и закончится. И капут Советской власти – сдадутся на милость победителя все наши доблестные войска. Для немцев мы, славяне, недоразвитая раса. Наверное, так и есть, если фрицы в первые месяцы войны аж до самой Москвы беспрепятственно дошли. И станем мы их рабами, как были рабы в Древнем Египте и Древнем Риме. Но я рабом быть не хочу и не стану. И тебе, Анечка, могу помочь этой участи избежать.

Руки Симончука всю шарили по телу Анны. Женщина оттолкнула их. Полицай побагровел:

– Что, дура, думаешь, если по-хорошему не получится, то по-плохому не будет? Я тебя давно заприметил, еще когда ты девчонкой была. И знал, что рано или поздно ты моей станешь.

– Отстань! – воскликнула Анна, делая шаг в сторону от полицая.

Но тот грубо схватил ее за шею и прохрипел:

– Решайся, Анька, или я тебя сдам немцам как жену советского офицера и скажу еще, что вы у себя партизан укрываете. В общем, будешь моей, тогда все будет хорошо. Я тебя

защитить сумею, и жить станем припеваючи.

Анна укусила Симончука за руку. Полицай взвизгнул и отпустил женщину. Зажимая кровоточащую рану, он заговорил, тяжело дыша:

– Ну, сама виновата в том, что сейчас произойдет. Думал, ты баба разумная, сумеешь понять мои аргументы. Но ты – строптивая кобыла, а таких надо укрощать. А уж я-то, поверь мне, Анька, умею!

Он двинулся на женщину и, загнав ее в угол, прижал к стене. Его потные горячие руки пытались сорвать с нее одежду. Симончук аж урчал от похоти, изо рта капала слюна, глаза горели.

– Шваль, стерва, гадина! Ну я сейчас тебя знатно уделаю. А потом сдам вас всех, скопом, немцам, и они вас расстреляют. Уступила бы по доброй воле, я бы в долгу не остался, приголубил бы тебя.

Анна, как ни старалась вырваться, понимала, что с обезумевшим Симончуком ей не справиться. И как же меняет людей власть! Наверняка бывший политагитатор всегда был редкостной сволочью, однако именно сейчас он проявил низменные черты своей натуры.

Симончук повалил Анну на пол, оседлал женщину, хрипя и пуская слюни. Ему не терпелось овладеть беззащитной жертвой.

Внезапно раздался странный глухой звук, Симончук пошатнулся. Звук повторился, и полицай мешком повалился

рядом с Анной на дощатый пол. Женщина увидела своего двоюродного брата Димку, сжимавшего в руках ухват. Подросток ударил Симончука по голове в третий раз, и тело предателя дернулось.

– Все, хватит! – воскликнула Анна, поднимаясь. Потом нагнулась над полицаем – тот не дышал.

– И поделом скоту! – произнес с довольной улыбкой Димка, откладывая в сторону ухват. – А то ишь чего задумал, гад! Туда ему и дорога, прихвостню фашистскому!

Анна попыталась привести полицаю в чувство, но у нее ничего не вышло – Симончук не шевелился. По всей вероятности, был мертв.

– Что ты наделал? – ахнула Анна, запахивая на груди порванное платье. – Димка, ты же убил его!

– Ну и отлично, – заявил подросток, пнув ногой тело Симончука. – И это только начало, так со всеми фрицами будет. Скоро подрапают с нашей советской Родины к себе в логово, но мы их нагоним и там добьем. Как товарища Симончука!

И мальчишка смачно плюнул в лицо полицаяю.

Послышались голоса, в избу вошли дед Василий с бабой Шурой. Возникла немая сцена – несколько мгновений старики молча смотрели на поверженного полицаю, затем баба Шура спросила испуганно:

– Да что ж здесь такое приключилось? Ему что, поплохело?

Димка радостно пояснил:

– Еще бы не поплохело, если его три раза ухватом по кумполу отделал. За версту было слышно, как черепушка треснула.

Дед Василий, приблизившись к Симончуку, внимательно осмотрел его и задумчиво почесал бороду:

– Мертв, как пить дать. Да, заварил ты кашу, хлопец.

– Так он на Аньку покушался, поганец! – с вызовом сказал Димка. – И кричал, что всех нас немцам сдаст, а те расстреляют. И наверняка бы так сделал, фашистский прихвостень!

Баба Шура, мелко крестясь, запрочитала:

– Пропали мы все, пропали! Немцы нас не пощадят, убьют! Ох, Димка, что же ты наделал, бесенок!

– За убийство своих людей фрицы жестоко карают, – покивал дед Василий. – Не только нас повесят, но и еще полдеревни. Ты о чем думал-то?

Димка надулся и продолжил:

– Так давайте прямо сейчас к партизанам уйдем!

– К каким партизанам, дурья ты башка! – зыркнул на внука дед Василий. – Ты знаешь, где их лагерь? Или думаешь, как только за околицу выйдешь, так они тебя и поджидают? Даже если и уйдем, то что будет с другими? Фрицы здесь бойню устроят, и все из-за того, что ты Симончука пришиб. Эх, бедовая ты голова, Димка!

Подросток, который минуту назад был полон гордости и решимости продолжать борьбу с оккупантами, сник. Испуганно взглянул на тело Симончука и сказал со слабой надеж-

дой в голосе:

– Может, еще очухается? Бывает же такое, что людей за мертвых принимают, а они потом в себя приходят.

Анна взяла руку Симончука и попыталась нащупать пульс. Бесплезно. Сердце сельского полицая не билось.

– Да сдох он, точно, – махнул рукой дед Василий. – Я что, мертвяков в Гражданскую не видел? Мальчишка ему башку проломил, тут уже никакой дохтур не поможет.

– Так что же делать? – опять завыла баба Шура. – Горе нам, несчастным! Фрицы всех замордуют! Эх, бегите-ка хоть вы, Аннушка и Димка, авось повезет, на партизан наткнетесь. А мы с дедом уже свое отжили, останемся в деревне, вину на себя возьмем. Может, немцы нас и пощадят. Ну а если нет, так примем смерть, куда ж деваться.

– Нет, никуда мы не пойдем, – тряхнула головой Анна. – Все равно далеко не уйти, скорее на немцев наткнемся, чем на партизан. Но и правда, что же делать? Вас мы оставить не можем, а если все вчетвером уйдем, то немцы выместят злобу на прочих жителях Гусёлки.

Женщина заметила, что и старики, и Димка приуныли. Еще бы, ничего хорошего их не ждало – самое позднее утром немцы хватятся своего верного вассала и найдут его мертвым у них в избе. Тогда-то все и начнется! Вон что тут было не так давно. А еще, говорят, соседнюю деревню несколько дней назад дотла спалили вместе с жителями за то, что кто-то убил одного-единственного ефрейтора. Не пожалели ни

женщин, ни детей, ни стариков – больше сотни человек на тот свет разом отправили.

Внезапно у Анны мелькнула мысль.

– Помоги-ка мне, – велела она Димке, и они совместными усилиями перевернули полицая. Удивительно, но крови на голове у того почти не было, только небольшая ссадина.

– Череп внутри треснул, – заметил с видом знатока дед Василий. – Хороший удар, внучок. Ты его как свинью прибил.

– Та-ак, крови нет, – задумчиво произнесла Анна. Страх у нее уступил место азарту. – Сказать, что кто-то на него напал, нельзя, следов насилия нет...

– Что ты задумала, Аннушка? – спросил дед Василий. И сразу сам же продолжил: – Ага, понимаю! Явных следов убийства нет, значит, можем из избы его вытащить и в канаву положить. Пускай думают, что он себе шею сломал, когда спьяну туда угодил.

– Господи, сделай так, чтобы все хорошо прошло! – взмолилась баба Шура. – А тебе, Димка, боженька грех смертоубийства простит, так как это полицай поганый был.

Пришлось обождать. Часа через три, когда заснули и немцы и деревенские жители, в избу проскользнул Димка и прошептал:

– Никого нет, часовые дремлют, офицеры свет потушили. Дед Василий взвалил мертвеца себе на спину и вышел на улицу. За ним следовали Анна и Димка. К счастью, небо за-

волокли тучи, так что не светили ни луна, ни звезды, деревня была погружена во тьму. Отойдя на порядочное расстояние от своей избы, дед Василий скинул мертвого полицая в канаву. Раздался приглушенный удар. Димка и Анна осторожно спустились в канаву и обильно оросили покойника вином. Бутылку женщина всунула в руки Симончуку – немцы должны увериться в том, что он, перепив, в темноте не разобрал дороги, свалился в канаву и расшибся насмерть. Если им повезет, то никаких неприятностей не будет.

Столь же осторожно троица вернулась в дом, где баба Шура скоблила пол, устраняя небольшие пятна крови. К утру все улики были уничтожены, но страх остался.

На сон у Анны было всего два с небольшим часа – к половине шестого, к началу трудового дня, ей надлежало быть в здании бывшего сельсовета. Она пришла туда вовремя и старались ничем не выдать своего волнения. О смерти Симончука стало известно ближе к полудню – его обнаружили два немецких солдата.

Среди оккупантов возникла небольшая паника. Молодая женщина прислушивалась к разговорам, стараясь понять, что же у гитлеровцев на уме. К ее большому облегчению, никто и не подумал о том, что Симончук стал жертвой убийства. Военный врач, поверхностно осмотрев тело и почувствовав терпкий аромат спиртного, быстро пришел к выводу, что полицай, накачавшись под завязку, не разобрал дороги, свалился в канаву, где и нашел свою смерть.

О кончине Симончука никто не печалился. Даже немцы, казалось, относились к бывшему политагитатору с брезгливостью и плохо скрываемым презрением. Димка заявил, что если оккупантов и тех, кто на них работает, так легко кончить, то он будет этим заниматься каждый день. Баба Шура отхлестала его полотенцем, крича, чтобы он и думать забыл о таких глупостях.

– Один раз нам боженька помог, потому что Симончук смерть заслужил. Но если ты снова на кого руку поднимешь, то беды не миновать!

* * *

Прошла осень, настала зима. Немецкие войска увязли под Сталинградом, и дата захвата города все отодвигалась и отодвигалась. Анна слышала обрывки разговоров офицеров и поняла, что дела шестой армии под командованием генерала Паулюса плохи. Затем по деревне прокатился слух о том, что Красная Армия перешла в наступление и Сталинград стал ареной кровопролитных боев.

Несколько дней спустя после Нового года (зима стоял лютой!) по приказанию оккупационных сил все жители деревни были согнаны на площадь перед сельсоветом. Немцы ходили хмурые и злые – несмотря на берлинскую пропаганду, они знали, что если не произойдет чуда, то две советские армии в ближайшее время соединятся и войска Паулюса окажутся

в западне.

Один из офицеров принялся зачитывать список имен. Тем, кого называли, надлежало выходить вперед. Немцы останавливали свой выбор на молодых и здоровых. Прозвучало и имя Анны. Она сделала шаг вперед и оглянулась – дед Василий и баба Шура остались неназванными.

Так набралась группа из сорока с лишним молодых женщин. Им велели отправиться в здание бывшего сельского клуба. Никто не знал, что именно их ожидает. В клубе находились офицер и писарь, а также военный врач. Медик осматривал женщин, причем делал все так, как будто речь шла не о людях, а о животных, – велел открывать рот, задирали юбки, хватал за груди. Почти все женщины, за исключением трех или четырех, получили «добро». Анна, оказавшаяся перед столом врача одной из последних, тоже была вынуждена терпеть унижительную процедуру. Медик осмотрел зубы и уши, спросил, есть ли у нее вши, залез за пазуху и остался доволен.

– Говоришь по-немецки? Отлично! Такие нашему рейху особенно нужны, – констатировал медик и велел Анне присоединиться к прочим женщинам.

– Что они задумали? – перешептывались несчастные. – Наверняка для каких-нибудь работ нас отбирают. Говорят, что немцы драпать отсюда собираются. Еще бы, сила теперь на нашей стороне! Вот, попили нашей кровушки, гады, теперь их черед настал слезы проливать!

Анна думала, что после осмотра их отправят по домам, чтобы дать возможность собрать вещи, но ошиблась. Когда группу вывели из клуба, она увидела, что их ждут два фургона. Женщинам было приказано залезть в них.

– Аня! – послышался знакомый голос. Анна обернулась и увидела Димку, который невесть как оказался рядом. Она метнулась к нему, но солдат грубо пихнул ее, крикнул:

– Давай, русская, полезай в фургон!

Другой солдат ногой отшвырнул подростка, и Анна с ужасом увидела, как Димка полетел в снег. А затем раздался выстрел. Женщина закричала, бросилась к мальчику, но один из немцев ударил ее прикладом в солнечное сплетение. В глазах у Анны потемнело, она не могла вздохнуть и осела на снег.

Ее подхватили под руки и потащили к фургону. Она оказалась среди таких же, как сама, напуганных и беспомощных женщин. Немного придя в себя, Анна выглянула в крошечное зарешеченное оконце – Димка без движения лежал на пропитавшемся кровью снегу. Она горько заплакала. Другие женщины тоже всхлипывали или даже ревели во весь голос. Никто не знал, что их ожидает, но все сходились во мнении, что ничего хорошего.

Фуры двинулись в путь, и Аня в последний раз посмотрела на свое родное село, провожая взглядом Димку, лежавшего на снегу. Поездка длилась около трех часов, и когда достигли цели назначения, женщины увидели, что их привезли

в Нерьяновск.

Город разительно изменился – исчезли советские знамена, лозунги и портреты Сталина, вместо них на ветру колышались красные полотнища с черной свастикой. Жителей на улицах практически не было, зато было много немецких солдат. На большой площади, носившей раньше имя Дзержинского, возвышалось страшное сооружение – виселица, на которой качалось несколько мертвецов. Таблички, висевшие на груди повешенных, гласили, что они партизаны и те, кто им помогал.

Фургоны остановились около мрачного серого здания, которое пользовалось недоброй славой еще в довоенные времена. Это была нерьяновская тюрьма, прилегавшая к дому в помпезном купеческом стиле, в котором некогда располагался НКВД, а теперь, по всей видимости, немецкое командование.

Женщин вывели из фургона и отправили в тюрьму – там их поместили в крошечные камеры, которые, однако, были набиты, как бочки с селедкой. Анне пришлось спать сидя, прислонившись спиной к стене. Ее мучили кошмары, то и дело возникало видение – Димка на окровавленном снегу.

По камере гуляли различные слухи. Кто-то утверждал, что у немцев имеются так называемые лагеря смерти, в которых планомерно уничтожаются все враги Третьего рейха. Однако тотчас возражали другие, здраво заявляя, что, если бы фрицы хотели расстрелять и повесить, они бы не стали транс-

портировать их из деревень в Нерьяновск, а сделали бы свое черное дело на месте, в деревне.

Аня не знала, что и думать. Ей было очень страшно, и она понимала: не исключено, смерть не за горами.

– Но почему они, гады, только женщин отбирают? Для чего мы им? Они что, немецкий гарем решили открыть? – раздавались и такие голоса.

Кормили из рук вон плохо – какая-то вонючая похлебка, в которой плавали позеленевшие клочки мяса и толстые белые опарыши. Анна, не сумев перебороть отвращение, так и не притронулась к еде, хотя живот резало от голода.

Во второй половине дня дверь камеры распахнулась, на пороге появился лохотеный немец в сопровождении седого мужичка, который на чистом русском назвал около дюжины фамилий. В их числе и фамилию Анны.

Женщины покинули камеру. Анна на дрожащих ногах последовала за товарками по несчастью. Она уже не сомневалась в том, что им грозит смерть. Только бы не мучиться!

К большому удивлению, их провели в просторную комнату, в которой было жарко натоплено. Там за столами сидело несколько немцев: повторилась та же самая процедура, что и в деревне, – медицинский осмотр. Один из врачей перебробросился с Анной парой фраз по-немецки. Он производил впечатление доброго человека, и женщина рискнула у него спросить:

– Что с нами будет?

Врач, взглянув на Аню из-под очков, ответил:

– Вас отправят в Германию, где вы будете работать во благо нашего великого рейха. Ты молода, здорова, к тому же говоришь по-немецки. Такие нам нужны!

И, расписавшись в личном деле Анны, передал ее на руки другого офицера. Угроза гибели миновала, однако от слов врача Анне не стало лучше. Их отправят в Германию, где, по всей видимости, будут использовать в качестве рабов. И кто знает, вернется ли она когда-нибудь обратно в Советский Союз, в Нерьяновск? Не исключено, что нет...

Аня думала, что снова окажется в камере, но вместо этого женщин провели к фургону, который сразу направился на вокзал. Там их ожидал железнодорожный состав. Она не могла представить себе, что им предстоит путешествие в чужую страну, – ведь вагоны были предназначены для скота! Наверное, для оккупантов они и есть животные, жалеть которых не следует.

Под строгим надзором солдат с автоматами и овчарками женщин погрузили в поезд. Погрузка шла всю ночь, наверняка людей свозили со всех окрестных деревень. Анна слышала разговоры – вроде бы дела у немцев под Сталинградом совсем плохи, а потому они, понимая, что скоро придется отступать, решили забрать с собой не только материальные ценности из разграбленных городов и деревень, но и людей – в качестве бесплатной рабочей силы.

Поезд двинулся в путь ранним утром, когда еще было тем-

но. В вагоне, продуваемом насквозь ветрами, Аня дрожала не только от холода, но и от мысли, что вот так им придется ехать до самой Германии – страны, представлявшейся ей средоточием всего земного зла.

Туалета в вагоне не было, поэтому приходилось справлять нужду прямо на полу. Радовало одно – из-за низких температур фекалии быстро застывали. Поезд делал остановку один раз в сутки, и тогда пленники получали скудное питание – горький черный хлеб и похлебку с костями и червями. Но если в тюрьме Анна побрезговала такой пищей, то теперь набросилась на нее чуть ли не с удовольствием. Даже казалось, что ничего вкуснее в своей жизни она еще не ела.

Женщин в вагоне было не меньше сотни, практически все – в возрасте от четырнадцати до сорока. Каждый день кто-то, не выдерживая суровых условий путешествия, умирал, и тогда их тела во время остановки попросту выбрасывали на насыпь. Наблюдая за столь жуткой процедурой, Анна думала, что и ее постигнет та же участь, если она скончается – тело попросту выбросят. Нет, надо держаться, думала она, скрепя зубы.

* * *

Поездка длилась восемь дней. Во время последней остановки Аня увидела остроконечные черепичные крыши и дома, разительно отличавшиеся от русских изб. Она поняла,

что поезд покинул пределы Советского Союза. Холод был уже не таким зверским, однако постоянное чувство голода давало о себе знать. Всем хотелось теперь одного – как можно быстрее оказаться в проклятой Германии.

Они прибыли в страну врага ночью. Поезд резко затормозил, вагон как следует тряхнуло. Анна, дремавшая в углу, приоткрыла глаза.

– Кажись, на месте! – сообщила женщина, которую подсадили к оконцу под самой крышей. – Станция какая-то, фонари. Солдаты с собаками и автоматами. И знамена со свастикой. Точно, бабоньки, мы в Германии.

– А как станция-то называется? – слышались нетерпеливые голоса.

– Сейчас, дайте-ка прочту. Первая буква К... Ага, Кенигсберг!

Кенигсберг, столица Восточной Пруссии! Вот как далеко их занесло от Нерьяновска! Конечный ли это для них пункт или только одна из промежуточных остановок?

Дверь вагона, лязгнув, распахнулась, в глаза женщинам ударили яркие фонари. Аня на несколько секунд зажмурилась, до ее слуха долетел собачий лай.

– Выходить по одной! Живо, быстрее, шевелитесь!

Женщины последовали приказу. Анна, шатаясь, вышла из вагона. Тело у нее болело, кости ломило, голова кружилась. Оглянулась. В самом деле, большая станция. Она увидела, что последние пять вагонов отцепили от состава, который

продолжил свой путь. Значит, они останутся в Кенигсберге, а других повезут дальше, в глубь Германии.

Их поместили в большой ангар, переоборудованный под некое подобие тюрьмы. Впервые за многие дни женщинам позволили вымыться – правда, вода в душе была ледяная. Затем последовал ужин (или завтрак?), скудный, но впервые вполне съедобный. Пленницы несколько приободрились и стали обсуждать то, что с ними произойдет далее.

– Говорят, что теперь нас, как в древние времена, в рабство отдадут. Будем батрачить на немчуру.

Какая-то из женщин прибавила:

– Ну, это нам не в ново€й. В колхозе тоже батрачили на Советскую власть за трудовни, а тут будем вкалывать на ихнего фюрера за похлебку.

Женщин запихнули в небольшие камеры. Ане досталась нижняя полка. Соседки никак не могли успокоиться – одна все плакала, поминая трех своих детишек, другая на чем свет стоит ругала Сталина, третья все время чихала и кашляла. Укрывшись тонким одеялом, Аня почувствовала, что в уголках глаз предательски защипало. Немцы отняли у нее все дорогое – Геннадия, Петеньку, Димку, бабу Шуру и деда Василия. И даже о свекрови Таисии Федоровне Анна вспоминала с теплотой. Неужели ей предстоит стать рабыней в чужой стране?

Пленниц разбудили в шесть. Накормили, а затем отвели в большой зал, полный народа. Аня увидела немцев – муж-

чин и женщин, которые с интересом поглядывали на русских женщин.

Им велели выстроиться в шеренгу, и немцы, как на рынке, окружили их. Аня слышала обрывки фраз:

– Дорогой, нам требуется служанка постарше. Не думай, что я возьму к себе в дом какую-нибудь вертихвостку.

– Ах, Генрих, ты только посмотри на их славянские лица! Какие они некрасивые! Ты думаешь, наши малыши испугаются, если мы возьмем себе такую горничную?

– Фрида, выбирай себе кухарку! Я же обещал, что сделаю тебе прелестный подарок ко дню рождения!

Около Анны возник невысокий пузатый немец с пышными седыми усами и бакенбардами. Его сопровождала не менее полная розовощекая дама. Немец схватил Аню за руку и повернулся к спутнице:

– Ну что, подойдет?

Женщина недовольно скривилась:

– Если она окажется, как и предыдущие, косолапой, то придется от нее избавляться.

– Уверен, дорогая, эта справится. – И он спросил у Ани: – Ты говоришь по-немецки?

От такого простого вопроса та растерялась. Немцы, как она убедилась, вовсе не походили внешне на монстров или вурдалаков. Обычные люди, занятые собственными проблемами.

– Она что, немая? – с отвращением спросила немка. – И

такая грязная! Как бы не заполучить в дом заразу, Альбрехт!

– Я... я говорю по-немецки, – выдавила из себя Анна.

Немец радостно потер руки.

– Ну вот видишь, Хелена, она нас понимает! Ты откуда?

Из города или из деревни?

– Я родилась в деревне, однако жила в городе, – ответила

Аня.

Она не знала, чего ей ожидать от «покупателей». Ведь все немцы здесь собрались с единственной целью – выбрать себе рабов.

– Отлично! Значит, умеешь за скотиной ходить? И по дому работать? Сколько тебе лет? Дети имеются? А муж?

Вопросы задавал немец. Его супруга сверлила Анну недобрый взглядом маленьких синих глазок и отмалчивалась. Похоже, она была недовольна выбором супруга. Оттащив его в сторону, немка заявила:

– Нет, такая нам не нужна, Альбрехт! Давай лучше возьмем ту. – И она указала на стоявшую рядом с Анной женщину – рябую, с длинным некрасивым лицом и большими зубами.

– Зачем нам такая уродина, Хелена? Только покупателей будет отпугивать!

– Знаю я тебя! Тебе чем смазливее, тем лучше, – проворчала немка.

Около Анны возникла почтенная дама в шляпке. Ткнув ей в грудь острым наконечником зонтика, она приказала:

– Милочка, присядьте!

Аня подумала, что ослышалась, но старуха нетерпеливо повторила:

– Присядьте! Вы что, не понимаете меня?

Пришлось подчиниться. Старуха поцокала языком:

– У вас плохая осанка. Присядьте еще раз! Гм, даже не знаю, что и думать. Вы умеете читать?

Еще до того, как Аня успела ответить, к старухе подлетел полный усатый немец и объявил:

– Драгоценная госпожа, ее берем мы.

– Нет, не берем! – каркнула его супруга.

Старуха, вытащив золотой лорнет, посмотрела сначала на седоусого толстяка, затем на его жену и обронила чуть презрительно:

– Вам необходимо прийти к единому мнению. Если вы откажетесь, то девицу возьму я. Мне требуется новая горничная.

Ни немецкая чета, ни старуха с зонтиком Анне не понравились, но ведь все зависло вовсе не от ее воли.

– Да, мы ее берем! – запальчиво произнес усатый господин. – Моя жена ошибается.

– Жаль. Если передумаете, дайте мне знать, вот моя визитка, – сказала дама, протягивая немцу карточку. И, приложив к глазам лорнет, отправилась дальше.

– Альбрехт, я тебя предупреждаю! – взвизгнула розовощекая немка. – Эта особа не переступит порог нашего дома!

Думаешь, я не понимаю, что у тебя на уме?

– Хелена, успокойся! – взял жену под руку усач. – На нас смотрят. Итак, или мы ее берем, или ты будешь без прислуги.

Супруга нехотя смирилась с доводами мужа. Немец подошел к себе одного из солдат и сказал, что желает получить Анну. Документы были оформлены быстро за одним из столов. «Теперь я стала чьей-то собственностью», – грустно подумала Аня.

Она последовала за немцем и его супругой, с которой, как уже поняла Анна, у нее будет много проблем. Покинув территорию перевалочного лагеря, они оказались на улице, где их ждал черный автомобиль. Немец, повернувшись к Анне, важно произнес:

– Меня зовут герр Альбрехт Фосс, эта дама – моя любимая супруга фрау Хелена Фосс. Тебя зовут... – Герр Фосс принялся копошиться в бумагах, нашел нужную строчку и сказал: – Анна... Никишина. Что за дурацкая фамилия! Впрочем, у вас, славян, все не как у людей. Вам повезло, что наш великий фюрер освободил вас от коммунистического ига и позволил приобщиться к немецкой цивилизации. Садись!

Он распахнул дверцу автомобиля. Фрау Фосс заявила:

– Я что, должна сидеть рядом с ней, Альбрехт? Я, с какой-то русской? У нее наверняка вши!

И немка демонстративно заняла переднее сиденье.

– Мы живем недалеко от Кенигсберга, в прелестной деревушке, – вещал герр Фосс, заводя мотор. Он то и дело погля-

дывал на Анну в зеркало, и той почему-то сделалось неприятно. – У нас имеется своя булочная, и ты будешь там работать. Впрочем, не только там, но и в нашем доме, – продолжал немец. – Будешь хорошо себя вести и выполнять все, что от тебя требуется, то ничего плохого никто тебе не сделает. А вот если ты нарушишь законы...

Он многозначительно замолчал, а его жена добавила:

– Наша прежняя служанка, мерзкая тварь из Белоруссии, позарилась на мои золотые сережки. И ее отправили в тюрьму!

– Не в тюрьму, дорогая, а в концентрационный лагерь, – поправил супруг. – Но тебе, Анна, нечего опасаться. Ты ведь разумная женщина, не так ли?

В голосе герра Фосса Аня уловила издевательские нотки. Она решила со всем соглашаться. Хозяйка и так настроена против нее, а вот хозяин, кажется, благоволит.

Они покинули Кенигсберг и направились в пригород. За окном мелькали красивые каменные домики, старинные церкви, ухоженные кладбища.

* * *

Наконец автомобиль въехал в небольшой городок. Или то была большая деревня? Населенный пункт однако никак не походил на русское село – дома были из кирпича или камня, имелось несколько лавок, аптека и даже почтовое отделение.

Семейству Фосс принадлежал импозантный дом под черепичной крышей. На первом этаже располагалась булочная, к которой прилежала пекарня. Герр Фосс показал Анне ее комнату – она размещалась в подвале. Помещение было маленьким, мрачным, на некогда белых стенах проступали черные пятна плесени. В углу стояла кровать, имелась тумбочка с фаянсовым кувшином и крошечный платяной шкаф.

– Можешь не благодарить, мы выделили тебе одну из лучших комнат в доме, – сказал герр Фосс. – Есть будешь на кухне, вместе с прислугой. А теперь настала пора ознакомиться со своими обязанностями. Вот твоя одежда!

Он указал на платье серого цвета, лежавшее на кровати. Анна вопросительно взглянула на герра Фосса, но тот и не думал выходить.

– Нечего стесняться, переодевайся, – приказал он.

Анна стыдливо расстегнула ватник. Герр Фосс поторопил ее:

– Ну, живее, чего ты так долго копаешься!

Женщина стянула платье. Ее тело покрылось мурашками – не столько из-за холода, сколько из-за похотливого взгляда хозяина. Аня дрожала, прикрывая руками грудь. Булочник подошел к ней.

– Убери руки! Не забывай, я – твой хозяин, ты должна мне подчиняться!

Анна закрыла глаза и развела руки. Герр Фосс засопел, его пальцы дотронулись до шеи женщины. Какое же все-таки

мерзкое чувство оказаться в полной зависимости от похотливого мерзавца! Аня вспомнила полицаю Симончука. Но сейчас ей никто не придет на помощь.

– Альбрехт, ты где? – донесся голос фрау Фосс, и булочник швырнул Анне платье.

– Быстрее, одевайся! – зашептал он. – И смотри, ни слова моей жене, иначе тебе будет очень плохо! Ну, давай же.

Дверь в комнату Анны открылась, на пороге возникла фрау Фосс. Жена булочника с подозрением спросила:

– Что ты делаешь в ее каморке, Альбрехт?

Анна, надевшая к тому времени платье, уселась на кровать. Сердце у нее бешено стучало, как будто ее поймали с поличным за какой-нибудь пакостью. Но так и есть – она позволила немцу-хозяину рассматривать себя обнаженной.

– Я перечислял Анне ее обязанности, – ответил важно герр Фосс, и ложь из его уст звучала, как правда.

Аня поняла, что толстый усач наверняка постоянно изменяет своей подозрительной супруге. Получается, что и ее он взял к себе в дом не столько в качестве прислуги, сколько в качестве любовницы.

Фрау Фосс вперила взгляд в мужа, затем внимательно посмотрела на Анну и чуть не по слогам сказала:

– Тебе здесь нечего делать, Альбрехт!

Обратившись к Анне, она по-прежнему не называла ее по имени:

– А ты чего расселась, как будто на приеме в княжеском

дворце? Ну, давай, шевелись! Мы не для того тебя взяли, чтобы ты прохлаждалась!

Аня покорно поднялась с кровати и направилась в коридор. Обернувшись на пороге, заметила торжествующий похотливый взгляд герра Фосса и поняла, что он очень скоро повторит свою попытку добраться до ее тела. Что она сможет этому противопоставить? Она находится в далекой, чужой и враждебной стране, где ее не считают за человека. Ее обязанность – работать до изнеможения и выполнять все прихоти хозяев. Она не может обратиться в полицию – никто не будет ее и слушать. Неужели все так плохо?

Обуреваемая мрачными мыслями, Анна отправилась вслед за фрау Фосс в большую кухню, где увидела прислугу – пожилую женщину, молодую девицу и мужчину лет шестидесяти. Они с большим интересом уставились на новенькую, прибывшую к тому же из Советской России.

– Фрау Гропп, наша домоправительница и кухарка, – представила пожилую женщину жена булочника. – Она распределяет задания по дому. Ты будешь во всем слушаться ее.

Молодую девицу, рыженькую и на редкость некрасивую, звали Гундулой, она была горничной, а пожилого господина, исполнявшего обязанности садовника, электрика и слесаря, герр Освальд.

Затем хозяйка вышла. Анна почувствовала себя крайне неудобно – на нее уставились три пары любопытных глаз. Она замерла посередине кухни. В большой кастрюле на плите

что-то булькало, и Аня, ощутив аромат вкусной еды, почувствовала зверский голод.

– Есть хочешь? – услышала она вопрос кухарки. Анна кивнула. Фрау Гропп поставила на стол тарелку и сказала: – Ну, садись, русская. Ты меня хоть понимаешь?

Трое немцев, которых Анна представляла чудовищами и извергами, оказались обыкновенными людьми. Немного позже Аня узнала, что кухарка была суровой, однако справедливой женщиной, герр Освальд говорил крайне мало, а вот рыженькая Гундула оказалась настоящей болтушкой.

Анна быстро освоилась в компании незнакомых людей. Поев, она немного воспряла духом. Улучив момент (садовник отправился восвояси, а кухарка загромыхала посудой), Гундула спросила:

– Он к тебе приставал?

– Кто? – растерялась Анна.

– Ну, старый козел, герр Фосс, – пояснила та. – Ты ведь красивая, он наверняка поэтому тебя взял. Мне повезло – я не в его вкусе, и меня он не замечает, хотя вначале тоже по ляжкам хлопал. Только не повторяй ошибки, которую допустила девушка, что работала здесь до тебя.

Аня не успела спросить, что именно произошло, так как фрау Гропп заявила, что нечего прохлаждаться и пора приниматься за работу.

Дом у семейства Фосс был трехэтажный, с множеством комнат. У булочника и его супруги имелось четверо детей,

все взрослые – они покинули деревню и переехали в город. Фрау Фосс обожала порядок и чистоту, поэтому требовалось убирать все комнаты ежедневно – мыть полы, протирать пыль, драить чугунную ванну. Это были обязанности Гундулы, с которыми девушка справлялась весьма успешно. На долю Анны выпала гораздо более тяжелая работа – герру Фоссу требовалась помощница в пекарне.

Потянулись однообразные, унылые дни, полные тяжелой работы и недосыпа под постоянные окрики хозяйки и плотоядные взгляды хозяина. Анне приходилось вставать в четыре часа утра и отправляться в пекарню, где ее ждал облаченный в белый фартук герр Фосс. Его супруга, вертевшаяся рядом, старалась ни на секунду не выпускать молодую русскую и своего похотливого супруга из поля зрения. И все же, когда он улучал момент, герр Фосс шлепал Аню по ягодицам, щипал за бок или хватал за грудь.

После трехчасовой работы в пекарне Анна отправлялась на кухню, где орудовали уже поднявшиеся фрау Гропп и Гундула. Там она получала завтрак и короткую передышку, после чего требовалось прислуживать хозяевам в столовой. Иногда, по настоянию булочника, Аня помогала ему в магазинчике, но чаще всего на ее долю выпадала грязная и тяжелая работа – чистить жирные противни и наводить блеск в пекарне. Она выбивалась из сил уже к полудню, однако ей требовалось продержаться до восьми, иногда до десяти часов вечера. В первое время кружилась голова, руки отказы-

вались слушаться и невероятно болела спина, но со временем Аня привыкла к своим нелегким обязанностям.

Все было бы ничего, если бы не постоянные придирки фрау Фосс. Хозяйка, невзлюбившая Анну с первой секунды, всегда выискивала и, конечно же, находила повод, чтобы сделать едкое замечание, прочитать нотацию или попросту оскорбить. Анна, понимая, что хозяйку нельзя провоцировать, стойко сносила ее поведение, никогда не отвечала на грубость, а только, опуская голову, лепетала:

– Простите меня, госпожа. Больше такого не повторится.

Подобная покорность более всего выводила из себя фрау Фосс. Как-то она намеренно сильно толкнула Анну, несшую большой бак, полный кипятка. Мало того, что та едва не обварилась, но еще за свою «нерадивость» была лишена обеда и ужина. В следующий раз, во время еды, Анна услышала звонок – фрау Фосс требовала ее к себе. Она бегом бросилась в комнату госпожи, но не обнаружила ее там. Вернувшись обратно в кухню, к остывающей тарелке с супом, Аня зачерпнула варево ложкой и почувствовала острый неприятный запах – кто-то, пока она отсутствовала, добавил ей в еду уксуса. А день спустя она искололась, когда легла в кровать, – подушка, простыня и одеяло были усеяны булавками.

За этими страшными проделками скрывалась фрау Фосс, которая становилась все заносчивее и нетерпимее. Все, что ни делала Анна, подвергалось беспощадной критике и осмеянию. Даже немногословный герр Освальд как-то заметил,

когда они вдвоем работали в пекарне:

– Старуха тебя невзлюбила. Лучше всего тебе сменить место.

Но как она могла сменить место, если практически являлась собственностью семейства Фосс! О том, что происходило на родине, в Советском Союзе, Анна узнавала из средств официальной пропаганды – герр Фосс постоянно включал в гостиной большой радиоприемник, из которого лились захватские марши и обращения видных нацистов, в том числе министра народной пропаганды Геббельса, а по праздникам – самого Гитлера. Постоянно сообщалось о новых и новых победах немецкого вермахта, о том, что подлый враг вот-вот будет разбит и капитулирует, о колоссальных потерях советских войск и о быстром продвижении немцев в глубь России.

Однако Анна вскоре поняла, что, как и в Советском Союзе, зачастую сведения, получаемые по радио или из газет, не соответствуют действительности. Так, она узнала, что под Сталинградом шестая армия под командованием генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса потерпела сокрушительное поражение, а следующим летом на Курской дуге немецкие войска были снова разгромлены наголову.

Недовольство войной среди простого населения тоже не скрылось от глаз Ани. Она слышала разговоры – люди желали, чтобы все как можно быстрее завершилось. Мало кто верил в быструю победу, и несколько раз до Анны доносились

замечания жителей деревни:

– И зачем только фюрер решил затеять эту русскую авантюру!

Чем больше и чаще немецкое радио и газеты сообщали о победах доблестной германской армии, тем больше уверялась Анна в том, что дела на самом деле обстоят плохо. И конечно, в ней росли надежда и уверенность в том, что рано или поздно она вернется в Нерьяновск.

Герр Фосс не оставлял попытки затащить красивую прислугу в постель. В его намерениях Анна окончательно убедилась, когда узнала от Гундулы, что произошло с девушкой из Белоруссии.

– Старик на нее положил глаз, что всем было понятно, кроме его супруги. Та дурочка, в отличие от тебя, считала, что если уступит натиску герра Фосса, то это облегчит ее участь. И как-то старуха застукала их в кладовке – не знаю, чем именно они там занимались, но в тот же день к нам заявила полиция. Фрау Фосс заявила, что у нее пропали золотые сережки, и – надо же, какое совпадение! – их нашли в комнате белорусской девчонки. Ее забрала полиция, а потом сдала на руки гестапо. Несчастливая поплатилась только за то, что связалась с мерзавцем-хозяином!

– Она действительно украла сережки? – спросила Аня.

Гундула, осмотревшись по сторонам, прошептала:

– Да что ты, Мария была честной девицей. Да и к чему, сама посуди, ей побрякушки? Я прекрасно помню, что тогда

произошло! Фрау Фосс, после того как застала муженька и девицу с поличным, отправилась к себе в спальню. Я как раз там убиралась. Она выгнала меня прочь, но дверь осталась приоткрытой. И я видела... – Девушка поманила к себе пальцем Аню и выдохнула ей в ухо: – Видела, как она вынула из потайного ящичка шкатулку, в которой хранит драгоценности, открыла ее и вытащила оттуда сережки. И отправилась в комнату к белоруске!

– Она их ей подложила! – выпалила Анна, и Гундула дернула ее за руку.

– Да не кричи ты так! Да, старуха сережки подложила, а потом полиции заявила, что накануне носила их и оставила у себя на туалетном столике. Но я знала, что это не так – она побрякушки никогда не раскидывает, а всегда прячет в шкатулку, а та – с замком, и если ключа нет, который она таскает у себя на шее, то и не вскроешь даже топором. Сама подумай: кому полиция поверила – почтенной немке, супруге булочника, или испуганной, толком языком не владеющей девице из какой-то Белоруссии, захваченной нашими доблестными войсками?

– Но ведь ты... ты же могла бы сказать, что фрау Фосс лжет! – выпалила Аня.

Гундула шумно вздохнула:

– Думаешь, мои слова что-нибудь изменили бы? Девицу все равно бы сцапали, а я бы потеряла работу. Но ты мне нравишься, Анна, так что берегись проделок старухи.

Анна пыталась как можно реже оставаться с герром Фоссом наедине, однако он часто заходил к ней в комнату, садился на кровать и, не стесняясь, приставал. На счастье Анны, фрау Фосс всегда была начеку, и булочник быстро ретировался, так ничего и не добившись.

* * *

Как-то осенью 1943 года (Анна жила у Фоссов уже около года) пришло трагическое известие – мать хозяйки находится при смерти. Родители фрау Фосс обитали в соседней деревушке, и булочница, не теряя времени, тотчас отправилась туда.

Аня часто думала о тех, кто остался в Советском Союзе, – о бабе Шуре и деде Василии, о Димке, которого она в последний раз видела окровавленным на снегу, и, конечно же, о Геннадии. Доведется ли ей когда-нибудь вернуться, узнать, что с ними?

Фрау Фосс позвонила домой и сообщила, что ее матушке полегчало, однако она останется у нее на ночь. Герр Фосс, как заметила Анна, чрезвычайно обрадовался подобному повороту событий. Тестя и тещу он на дух не выносил, но даже не болезнь мамы жены заставляла его радостно потирать руки и насвистывать. Аня понимала, к чему идет дело.

Ужинал он в одиночестве, и по приказанию герра Фосса ему прислуживала именно Анна. Булочник ел с большим ап-

петитом, а когда она подала десерт (столь любимый им сливовый пудинг), вдруг сказал:

– Садись!

Аня сначала не поняла, и только потом до нее дошло – герр Фосс хочет, чтобы она разделила с ним трапезу. До сих пор она всегда ела на кухне, со слугами, и очень удивилась приглашению. Но отказаться не решилась и осторожно присела на краешек стула.

– Ближе! – потребовал герр Фосс, и Анна опять подчинилась. Она оказалась в непосредственной близости от булочника. А тот протянул ей ломтик пудинга и велел: – Попробуй, очень вкусно!

Не оставалось ничего иного, как выполнить приказание. Аня раскрыла рот, герр Фосс положил ей на язык кусок пудинга. Молодая женщина принялась механически жевать, не ощущая вкуса. Толстые пальцы булочника дотронулись до ее щеки, герр Фосс хрипло прошептал:

– Какая ты красивая, Анна! Наконец-то старая мегера оставила нас в покое!

Анна отпрянула, в столовую вошла Гундула.

– Что тебе надо? – спросил недовольно герр Фосс.

– Ваша супруга на проводе, – ответила та и с тревогой посмотрела на Анну.

Герр Фосс потопал к телефону, находившемуся в коридоре. Гундула шепнула Анне:

– Я все видела! Он к тебе приставал! Ну ты и влипла!

Выбежав из столовой, Анна бросилась к себе в комнату. Что же ей делать? Герр Фосс хочет одного – затащить ее в постель. Если она не подчинится ему, у нее будут большие неприятности. А если пойдет у него на поводу, то станет врагом номер один для фрау Фосс. Ну и как ей решить дилемму?

В дверь ее каморки постучались. Из коридора слышался нетерпеливый голос герра Фосса:

– Открывай немедленно! Мне надо с тобой поговорить! Если не откроешь, я взломаю дверь, но тогда пеняй на себя, Анна!

Дрожащими руками она открыла дверь. Герр Фосс влетел в каморку и, толкнув ее на кровать, сообщил:

– Звонила Хелена, сказала, что задержится у своих родителей еще на пару денечков. О, как я давно мечтал об этом! Я же видел, как ты поедала меня глазами!

Он стянул домашнюю куртку. Анна не сдвинулась с места:

– Герр Фосс, выйдите из моей комнаты. И оставьте меня в покое!

– Что ты сказала? – произнес булочник, приближаясь к ней. Его большое, покрытое седыми волосами пузо напирало на женщину. От тела исходил кисловатый старческий запах – смесь пота и похоти.

– Герр Фосс, вы же порядочный человек, ваша жена... – начала Аня, и на нее обрушился сильный удар.

Закатив ей оплеуху, герр Фосс затараторил:

– Забудь о старой крысе! Последний раз я был с ней в постели лет пятнадцать назад, да и то по пьянке. Мне нужна такая, как ты, – молодая, красивая, горячая! И я знаю, что ты тоже сходишь по мне с ума!

Булочник бросился на Анну, прижимаясь к ней своим пузом. Молодая женщина попыталась сопротивляться, но силы были неравны. Герр Фосс сорвал с нее платье и, урча от сладострастия, впился ей в шею слюнявым поцелуем. Затем спустил с себя штаны.

– Будешь хорошей девочкой, тебе не о чем волноваться! Старуха ни о чем не узнает! Иначе я сдам тебя гестапо, и тебя отправят в концлагерь. Ты ведь знаешь, что там происходит с такими, как ты?

Анна молчала и сделалась вся как неживая. Возникла пауза. Герр Фосс замер. Затем слез с кровати и зло произнес:

– Русская гадина, это ты во всем виновата! Сначала завела меня, а потом отвергла!

Мужское достоинство герра Фосса уныло болталось под волосатым животом. Ане внезапно сделалось смешно. Она сначала улыбнулась, затем громко рассмеялась и, продолжая хохотать, ощутила, что по ее щекам текут жгучие слезы. Герр Фосс, весь бордовый от возмущения, накинулся на нее, принялся избивать, приговаривая:

– Шлюха, проститутка, продажная девка! Ты лишила меня мужской силы! Я же был полон энергии! Ты, ты во всем виновата!

Аня никак не могла обуздать смех. Вдруг раздался сварливый голос:

– Я так и думала, что ты у нее, Альбрехт!

Герр Фосс, путаясь в спущенных штанах, развернулся и увидел собственную супругу, стоявшую в дверях каморки. Наконец Аня успокоилась и с ужасом посмотрела на желтое лицо хозяйки.

– Хелена, что ты здесь делаешь? – пролепетал булочник, натягивая штаны. – Ты ведь должна быть у своих...

– У своих родителей, ты хочешь сказать? – заявила фрау Фосс и с силой ударила мужа сумочкой по голове. – Мерзавец, ты меня обманываешь! Да еще с кем, с русской!

– Хелена, как дела у твоей дорогой мамочки? – залепетал герр Фосс.

– У мамочки все в полном порядке. Она и придумала сообщить об ее мнимой болезни, чтобы позволить мне отлучиться. Я хотела вывести тебя на чистую воду, Альбрехт. И мне удалось!

– А все она! – закричал булочник, тыча пальцем в Анну. – Эта русская хуже подзаборной шлюхи, Хелена! Она соблазнила меня, клянусь тебе!

– Знаешь, чем все закончится? – спросила с угрозой фрау Фосс. – Русскую дрянь отправят в концлагерь, а тебя, милый мой, в тюрьму. Ведь я застала тебя в постели с представительницей недорасы!

– Хелена, ты так не сделаешь! – захныкал герр Фосс – Та-

кой позор! Наши дети, наша пекарня...

– Ну почему же, – усмехнулась фрау Фосс, – я с удовольствием упрячу тебя в каталажку, Альбрехт.

Булочник повалился в ноги жене и принялся каяться. Та, пнув его, наконец сказала:

– Так и быть, я прощаю тебя, Альбрехт. Вы, мужчины, все одинаковы. Но вот с ней разговор отдельный...

Булочник и его жена вышли из каморки, в замке лязгнули ключ. Аня поняла, что оказалась в западне.

Минут через двадцать она услышала осторожное царапанье и приглушенный голос Гундулы:

– Анна, с тобой все в порядке?

– Выпусти меня! – взмолилась женщина. – Они заперли дверь!

– Фрау Фосс только что говорила с полицией, – сказала девица. – Заявила, что ты на них с мужем напала с ножом и пыталась убить. И они готовы подтвердить свои слова под присягой.

Анна похолодела – ее обвинят в попытке убийства двух граждан немецкого рейха! Наверняка подобное карается или отправкой в концлагерь, или смертной казнью. Никто не будет церемониться с рабыней из Восточной Европы.

– Прошу тебя, Гундула, ты же знаешь, что я невиновна! Скажи полиции, что они врут!

Девушка вздохнула.

– Мне все равно не поверят. И, чего доброго, хозяева воз-

ведут поклеп и на меня. Ты мне очень нравишься, Анна, но я не могу рисковать.

Аня уселась на кровать, слезы градом покатались у нее по щекам. Ну вот и все, ей недолго осталось жить. Как только она окажется в руках полиции, которая передаст ее гестапо, дни ее будут сочтены.

В двери щелкнул замок, Анна вздрогнула. Но на пороге вместо полицейских возник герр Освальд. В руках у него была связка ключей. За его спиной стояли Гундула и фрау Гропп.

Горничная протянула ей котомку, кухарка сунула в руку несколько монет.

– Ты должна немедленно бежать, – сказал герр Освальд. – Вот-вот нагрянет полиция. Если повезет, ты от нее ускользнешь, а если нет...

Анна схватила котомку, зажала в кулаке деньги. Похоже, у нее нет выбора. По крайней мере, она попытается избежать страшной участи. Хотя ведь ясно, что ей далеко не уйти.

– Нас не заподозрят, – продолжил садовник, – мы скажем, что втроем были на кухне. Подумают, что у тебя имелся запасной ключ.

– Лучше всего беги через черный ход, – сказала Гундула. Анна обняла девушку, благодаря ее. Надо же, если бы год назад кто-либо сказал ей, что она будет благодарна немцам, она бы никогда не поверила.

Аня выскользнула из дома булочника в тот самый мо-

мент, когда к нему подъехало несколько черных автомобилей. Это за ней! Герр Освальд пообещал ей, что постарается задержать полицию, однако у нее все равно времени в обрез. Прижав к груди котомку, молодая женщина быстро зашагала прочь от ненавистного дома.

Стоял октябрь – было темно, дул резкий ветер, с неба падали капли дождя. К счастью, улицы оказались пустынными, и Анне никто не встретился. Через пять минут она покинула деревушку и, свернув с основной дороги, побежала через поле.

Черное небо разрезали сиреневые молнии, начался ливень. В мгновение ока Аня промокла до костей, ноги утопали в глине, однако она упорно шла вперед. Полиция пустит по ее следу собак, но при такой погоде они ее не найдут. Значит, у нее имеется шанс уйти от преследования!

Холодные струи хлестали по телу. Неожиданно беглянка увидела невдалеке какое-то строение. Сарай. Она решила переждать там бурю, однако увидела на дороге пятна света. Фонари! Полицейские разыскивают ее и минут через десять наткнутся на ее убежище. Может, сдаться на милость победителей? Но никакой милости, Аня знала точно, не будет. Показания герра и фрау Фосс означают смертный приговор – или на плахе, или в концлагере. Никто не будет слушать русскую служанку, ведь она, по мнению полиции и гестапо, представитель примитивной расы, у которой воровство, убийство и блуд в крови.

Поэтому Анна двинулась вперед, невзирая на то, что ветер перешел в ураган. То и дело оборачиваясь, она видела, что преследователи остались далеко позади – даже у полиции нет желания догонять преступницу в такую ужасную погоду.

Женщина углубилась в лес – там было жутко и мрачно. Корявые, черные деревья с голыми ветками, прелая листва, на небе – зигзаги молний, сопровождаемые оглушительными раскатами грома. Куда и зачем она бежит? Ведь ее все равно поймают!

Цепляясь ногами за корни, поскользываясь на мокрой траве, Аня то и дело падала. Она давно уже потеряла деньги и котомку. Тело пронзал ледяной холод, но молодая женщина упорно шла вперед. Нет, сама она не сдастся! Пускай ее поймают, но она попытается сбежать!

Сколько длилось ее путешествие по лесу, Аня не знала – может, час, может, и все пять. Казалось, что она ходит по кругу, и уверенность в том, что все будет хорошо, сменилась отчаянием. Она умрет в этой заколдованной роще, далеко от любимых и родных!

Сделав шаг, Анна вдруг куда-то полетела. И только несколько мгновений спустя сообразила, что покатилась со склона. На свою беду, она почувствовала острую боль в боку и увидела, что напоролась на корявый сук.

Она снова была в поле, походившем больше на пустыню. Буря начинала стихать, но дождь все лил и лил. Когда полыхали зарницы, Аня разглядела вдали величественные по-

стройки. Где она оказалась?

Преодолевая боль, женщина пошла вперед. Ноги отказывались слушаться, из пораненного бока сочилась кровь, тело одеревенело. Из дома семейства Фосс она выбежала в тапочках и теперь обнаружила, что правую потеряла.

Анна повалилась на землю и уставилась в черное безжизненное небо. Она выросла в деревне и, несмотря на то, что была комсомолкой, верила в бога – ее научила баба Шура. Но где же он, всемогущий и добрый, который приходит на помощь в тяжелую минуту? Или все это сказки и никакого бога нет?

Заставив себя подняться, Анна, шатаясь, снова двинулась вперед. Силы оставили ее, и через несколько шагов она снова упала. Тогда она поползла, то и дело задирая голову. Величественные постройки, которые она видела в сполохах молний, представлялись ей волшебным, полным неги и покоя местом. Только бы добраться туда, только бы добраться...

Она и сама не помнила, как оказалась около какого-то каменного строения. Увидев дверь, с большим трудом сдвинула засов, прошла внутрь – и оказалась наконец-то в тепле. Тогда Анна повалилась в лежавшее посередине помещения сено – и сознание оставило ее.

* * *

Когда молодая женщина открыла глаза, то увидела, что

находится в конюшне. Она попыталась подняться, но все тело ломило, руки и ноги отказывались ей подчиняться. Аня услышала голоса и испугалась – наверняка полиция!

Она не ошиблась – за каменной стеной, всего в нескольких метрах от нее, действительно находились несколько подтянутых мужчин в униформе. Анна их не видела, только слышала их голоса.

– Господин граф, еще раз приносим свои извинения за то, что нарушили ваш покой, однако мы сочли своей обязанностью предупредить вас и вашу матушку. Особа, которую мы ищем, чрезвычайно опасна, она пыталась убить своих хозяев.

Анна поняла, что речь идет о ней. Оказывается, она, не совершив ни единого преступления, стала чуть ли не рецидивисткой. Ей необходимо как можно быстрее покинуть свое укрытие! Но женщина поняла, что не может ступить и шагу. Мысли путались, горло горело. Похоже, она серьезно заболела...

Послышался собачий лай. Около Анны появился пес. Она попыталась отогнать его, но животное, рыча и скаля зубы, продолжало оповещать всех и вся, что обнаружило незваную гостью. Вот и все. Сейчас полиция ее найдет и... О том, что последует затем, Анна постаралась не думать.

– Нерон, в чем дело? – услышала она мужской голос.

Аня зарылась в сено, хоть и отлично понимала, что все равно ей не спрятаться. Рядом возник силуэт хозяина соба-

ки. Глаза несчастной женщины слезились, и она не могла рассмотреть этого немца, по всей видимости, того самого, к которому полицейские обращались «господин граф».

Незнакомец, отозвав пса, склонился над Анной. Ей на лоб легла прохладная ладонь. Анна попыталась что-то произнести, уверить мужчину в том, что невиновна, но с губ срывались только нечленораздельные звуки. А затем она снова потеряла сознание.

Небо было белым-белым, с какими-то завитушками. Хотя какое же небо. Наверное, она видит потолок. Но потолок не бывает в складочку и с вышивкой. Анна попыталась приподняться, но не смогла. Где она находится? Наверняка в тюремной больнице. Или уже в концлагере?

Послышались торопливые шаги, над ней склонилось встревоженное женское лицо – седые волосы, чепчик.

– Вы пришли в себя, моя дорогая? – раздался мелодичный голос. Анна попыталась что-то ответить, но не смогла – воздух со свистом выходил из горла.

– Нет, вам вредно говорить, моя дорогая. Берегите свои голосовые связки. Вы ведь наверняка голодны? Через пять минут я принесу вам чудесный куриный бульон!

Дама удалилась, Аня приподняла голову. Она лежала на громадной кровати, а то, что она приняла за небо и потолок, в действительности было балдахином. О таком она читала в романах – обычно подобным образом описывалась обстановка спален в замках и дворцах.

Комнату, где стояла кровать с балдахином, заливал яркий солнечный свет, проходивший через цветные витражи. Как же красиво! Анна попыталась разглядеть комнату, но в изнеможении откинулась на подушки. Однако ей удалось заметить, что помещение было огромным, а на стенах висели картины.

Нет, на тюремную обстановку это решительно не походило. Но если ее поймали, то почему поместили в шикарном отеле? И Аня пришла к неутешительному выводу – ее сон продолжается. Или она умерла и попала на тот свет, в рай.

Над ней вновь склонилась заботливая седая женщина. Подложив Анне под спину подушки, помогла ей сесть и водрузила на кровать небольшой резной столик, на котором находилась большая фарфоровая чашка, наполненная ароматно пахнущим золотистым бульоном с аппетитными фрикадельками.

– Вам необходимо калорийно питаться, – заявила дама, – вы находились без сознания почти восемь дней и потеряли не менее четырех килограммов. Хотя и до этого были весьма худой особой.

Анна взяла в руку ложку – таких она еще не видела. Тяжелая, старинная, серебряная. Рукоятку украшал то ли вензель, то ли герб – медвежья голова и раскрытая книга, а также девиз – не по-немецки, а на латыни. Аня погрузила ложку в чашку с бульоном, зачерпнула душистую жидкость и отправила ее в рот. Ничего более вкусного она в своей жизни не

пробовала! О, если бы сон никогда не кончался!

Быстро справившись с бульоном, Анна попросила еще одну порцию. Лицо дамы расцвело.

– Сразу видно, что вы выздоравливаете. Сейчас принесу!

– Спасибо вам за то, что спасли меня, – произнесла Анна. – И позволили мне занять одну из комнат в вашем чудесном доме.

Дама рассмеялась.

– О, не я спасла вас, молодой граф. Да и замок, в котором мы находимся, принадлежит отнюдь не мне. Я всего лишь одна из служанок.

Анна так и не успела расспросить женщину подробнее, потому что дверь распахнулась – в комнату вошла пожилая фрау, назвать которую старухой язык бы не повернулся. Служанка, завидев ее, поклонилась и сообщила:

– Госпожа графиня, наша гостья пришла в себя. Я хотела доложить вам...

– От вас требуется не хотеть, а исполнять, – произнесла высокомерно особа, которую служанка титуловала графиней, и нетерпеливым жестом руки дала понять, чтобы та удалась.

Служанка, пятась задом, скрылась. Анну охватил страх – что ей ожидать от хозяйки замка, к тому же графини? Она припомнила – и герр, и фрау Фосс упоминали что-то об обширных угодьях какого-то аристократического семейства, расположенного в нескольких километрах от деревушки.

Графиня, опираясь на резную палку с серебряным набалдашником, медленно подошла к кровати. Аня не знала, как ей себя вести. Она появилась на свет через два года после революции, так что не застала времена, когда и в России существовали сословные различия и дворянские титулы. И все усугубляется тем, что находится она в Германии, и в любой момент седовласая графиня может выдать ее полиции.

– Добрый день, – произнесла наконец Анна, выдержав долгий взгляд хозяйки замка.

Той было далеко за шестьдесят, и если бы не скованная походка и сгорбленная спина, то ее можно было бы принять за даму среднего возраста. Черное платье старинного покроя, кружева, прикрывающие шею и кисти рук, нестерпимо сверкающая брошь (наверняка не стекляшки, а настоящие драгоценные камни!). Кожа тонкая и розовая, серебристые волосы, властные манеры.

– Меня зовут Мария-Корнелия фон Веллерсхоф. Итак, рада приветствовать вас в нашем замке, – произнесла суровая графиня.

Анна попыталась улыбнуться, чтобы хоть как-то растопить ледяную атмосферу, которая вдруг возникла в комнате.

– Благодарю вас за то, что вы предоставили мне кров, – сказала Анна. Она не знала, как обращаться к хозяйке. Называть ее «госпожа графиня»? Или «ваша светлость»?

– Значит, вы и есть та сама беглянка русского происхождения, за которой охотится гестапо, – промолвила после ко-

роткой паузы графиня.

От ее слов сердце у Анны ушло в пятки. Она надеялась на то, что ее не будут искать или сочтут без вести пропавшей. Но если гестапо хочет заполучить ее, то пиши пропало. Тайной нацистской полиции боялись не только многочисленные представители «недорас», но и обыкновенные немецкие бюргеры.

Графиня Корнелия опустилась в кресло с высокой резной спинкой, стоявшее около кровати, и положила обе руки на набалдашник трости.

– Раз вы оказались в будуаре моей прабабки, урожденной княгини фон Услар, то будьте так любезны и поведайте мне всю правду!

Аня чувствовала себя, как на допросе. Хотя, по крайней мере, графиня не бросилась немедленно за гестаповцами (но кто знает, может, она уже предупредила их по телефону?) и решила зачем-то услышать историю совершенно незнакомой женщины. Впрочем, служанка сказала ей, что она находилась без сознания восемь дней – при желании графиня давно могла бы сдать ее на руки представителям власти.

Глубоко вздохнув, Анна начала свое повествование. В лице графини она нашла внимательного слушателя – та не перебивала, только изредка задавала наводящие вопросы и перепроверяла детали. Когда Анна рассказала о том, как попала на конюшню замка, где потеряла сознание, успев лишь увидеть мужчину с собакой по кличке Нерон, графиня Ма-

рия-Корнелия пояснила:

– Этот мужчина – мой младший сын, Карл-Отто. А Нерон – наш любимый спаниель. Значит, тот субъект, Фосс, пытался взять вас силой? И вместе со своей супругой хотел обвинить вас в ложном покушении на убийство?

– Да, – просто ответила Анна. Превозмогая себя, она откинула одеяло и опустила ноги на коврик. – Думаю, мне пора...

– Что за глупости! – заявила графиня фон Веллерсхоф. – Во-первых, вы еще не до конца выздоровели. Во-вторых, куда вы собираетесь идти? Обратно к Фоссам? Или напрямик в полицию, которая разыскивает вас? Может быть, сразу в гестапо?

В голосе графини было столько желчи и отвращения, что Анна изумилась. Неужели она с презрением относится к нацистской власти и не боится заявлять о своем мнении во всеуслышание?

– Вы останетесь здесь, – продолжала графиня. – Во всяком случае, пока окончательно не встанете на ноги. Я не позволю, чтобы вы оказались в тюрьме или в кошмарном изобретении нашей несчастной немецкой нации – в концентрационном лагере. Все знают, что он такое, но делают вид, что не имеют понятия о происходящем за его воротами. Да, молчать и покорно поддерживать безумца, мнящего себя величайшим полководцем и стратегом, похоже, судьба, постигшая нас, немцев. Да и вас, русских!

Дверь снова раскрылась, графиня Мария-Корнелия недовольно заметила, не оборачиваясь:

– Я же приказала не беспокоить нас!

– Мама, это я, – услышала Анна приятный низкий мужской голос и увидела подходящего высокого молодого человека в твидовом костюме. Такие же, как и у матери, темные глаза, высокий лоб и тонкие губы – просматривалось несомненное семейное сходство. В комнату с лаем влетел и знакомый Анне пес по кличке Нерон.

– Прошу прощения, что столь бесцеремонно вторгаюсь, – произнес молодой человек, – но я узнал о том, что наша гостья пришла в себя.

– Это и есть ваш спаситель, мой сын Карл-Отто, – сообщила графиня.

Молодой человек приблизился к кровати. Анна в смущении взглянула на него – ведь она была в одной только ночной сорочке.

– Очень рад, что вы пришли в себя, – произнес он, и в его глазах замерцал таинственный огонь. Анна отметила про себя, что молодой граф весьма привлекателен, и румянец тотчас залил ее щеки. И как она может только думать о подобном!

– Кто-то доложил гестапо, что в замке появилась новая обитательница, – сказал Карл-Отто. – Только что имел удовольствие разговаривать по телефону с одним из напыщенных придурков оттуда.

– Август приезжает завтра вечером, – чуть повела головой графиня фон Веллерсхоф, – он с ними и разберется. Однако ясно одно – она останется в замке, а несносное семейство Фосс понесет заслуженное наказание. Да, нашей страной давно правят бандиты, но и на них найдется управа!

– Мама, прошу тебя, – произнес мягко Карл-Отто. – Август будет недоволен, если услышит, как ты отзываешься о фюрере...

– В последние годы я стыжусь того, что Август – мой сын, – сказала графиня, с трудом поднимаясь из кресла. Сын подал ей руку, но графиня сделала вид, что не заметила ее. – Отдыхайте, вам требуется сон! – произнесла графиня Мария-Корнелия, направляясь к выходу. Карл-Отто явно хотел задержаться, однако пожилая дама не терпящим пререканий тоном заявила: – Оставь ее в покое! Ты мне нужен, я хочу поговорить с тобой об Августе.

Графиня и ее сын вышли из спальни. Анна в изнеможении откинулась на подушки и прикрыла глаза.

– Вот и ваш бульон, – услышала она голос служанки и запахнула веки.

Поблагодарив ту и съев вторую порцию, Анна поинтересовалась, куда она попала и какой семье принадлежит замок.

– Я имею счастье служить вот уже почти тридцать лет семейству фон Веллерсхоф. Их род – один из самых древних и знатных в Восточной Пруссии. Они в родстве, правда, весьма отдаленном, с Фридрихом Великим!

– Карл-Отто – сын хозяйки? – спросила Анна, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно менее заинтересованно.

– Младший, – пояснила служанка. – И любимый. Вообще-то имеется еще Август, который после смерти старого графа считается номинальным главой семейства. Однако бразды правления держит в своих руках госпожа графиня. И вы ей понравились.

– Я ей понравилась? – спросила удивленно Анна. – Графиня, похоже, была раздражена тем, что я оказалась в будуаре ее бабки...

– Прабабки, – поправила служанка. – И такой чести удостоиваются избранные. Когда здесь гостил господин Август с Изольдой, своей в ту пору невестой, то ей пришлось ютиться этажом ниже, в угловой комнате с привидением. Но теперь вам нужно отдохнуть!

– А как же полиция и гестапо? – спросила Анна. – Они ведь разыскивают меня и...

– Госпожа графиня обо всем позаботится, – ответила служанка. – А если она что-то вбила себе в голову, то всегда добивается успеха!

* * *

Вечером следующего дня в будуар заявила процессия – графиню фон Веллерсхоф и ее младшего сына сопровождал высокий лысоватый господин в пенсне и с оттопырен-

ной нижней губой. Весьма неприятным типом оказался старший отпрыск графини, Август. Он был облачен в новенькую скрипучую черную форму, в которой, холодея, Анна тотчас узнала эсэсовскую.

Заметив реакцию молодой женщины, графиня сказала:

– Вот видишь, Август, не только у меня начинается мигрень, когда я вижу твой шутовской камзол с черепами.

– Мама, прошу тебя! – воскликнул Август. – Как ты можешь? Ни ты, ни Карл-Отто не поздравили меня с присвоением звания группенфюрера. А на прошлой неделе нас с Изольдой принимал сам фюрер...

– Избавь меня от подробностей о твоей жене и в особенности, от описания вечеринки у его австрийского ничтожества, – несколько недовольно остановила речь сына графиня Корнелия. – Право же, Германии, Европе и всему миру было бы гораздо лучше, если бы этого дилетанта все же приняли в свое время в Венскую академию изящных искусств. Однако у него в данной области нет ни искры таланта!

– Мама, замолчи! – прошипел Август, передернувшись. – Я запрещаю тебе поносить в моем присутствии фюрера! Он – величайший человек и гениальный полководец!

– Ну что ж, сын, буду делать то же самое в твое отсутствие, – вздохнула графиня. – Надеюсь, в конце концов найдется какой-нибудь смельчак, который решится выпустить обойму в пустую голову самонареченного Цезаря или взорвать его ко всем чертям вместе с его тупыми лизоблюдами.

Август побагровел, снял пенсне (без которого чрезвычайно походил на крота) и тонким, визгливым, каким-то бабским голоском закричал:

– Я не потерплю подобных выпадов в адрес нашего фюрера! Не будь ты моей матерью, я бы...

Он запнулся. Графиня посмотрела на сына презрительно:

– Что же, договаривай, Август. Ты бы сдал меня гестапо? И сам бы провел допрос? И отправил бы в концлагерь только за то, что я говорю правду? Как я сожалею, что родила тебя!

Карл-Отто призвал брата и матушку к спокойствию. Август, нацепив пенсне, заговорил более сдержанно:

– Оставим бесполезный и, самое главное, опасный разговор, мама. Ты не понимаешь, что можешь серьезно навредить не только себе и Карлу-Отто, но и моей карьере, и моей семье. Или тебе хочется, чтобы твои шестеро внуков стали сиротами или, хуже того, оказались в концлагере?

Затем он подошел к кровати, на которой лежала Аня, и, посмотрев на нее, вдруг произнес по-русски со скрежещущим акцентом:

– Ты убежать от свои хозяева?

Графиня фон Веллерсхоф ударила сына по ноге тростью и сказала:

– Ты здесь не для того, чтобы устраивать дознание, Август. Ты должен спасти ее!

– Что? – вскинул тоненькие брови новоиспеченный группенфюрер СС. – Ты думаешь, мама, что я буду рисковать ка-

рьерой и жизнью ради какой-то беглой преступницы, к тому же славянки?

– Будешь, – кивнула графиня. – Ты ведь хочешь, чтобы твои детишки, отпрыски глупой гусыни Изольды, получили замок и угодья? Не забывай, все это принадлежит мне, и я могу распорядиться своим имуществом по своему желанию.

Август от отповеди матери поморщился и кисло заметил:

– Мама, я же думал, что ты выкинула из головы свою абсурдную идею – завещать все Карлу-Отто. Я – твой старший сын, мне сорок три, а ты хочешь, чтобы все досталось двадцатичетырехлетнему сопляку?

Графиня Корнелия молчала, Август вытащил большой полосатый платок и вытер им шею и лысину.

– Ты обещаешь мне, что мои дети получат замок? Если я помогу вам уладить эту... – Он с нескрываемой брезгливостью посмотрел на Анну и закончил фразу: – Русскую проблему?

Графиня продолжала молчать, и Август выпалил:

– Ну хорошо, мама, я сделаю все, что в моих силах! Но не забывай, особа, которую ты приютила, преступница, я не могу покрывать ее.

– Тебе и не потребуется, – промолвила графиня. – Ты же, кажется, приятельствуешь с этим ничтожеством Эрихом Кохом, гауляйтером Восточной Пруссии. Он поможет тебе сделать так, чтобы булочник Фосс и его не в меру ревнивая жена понесли заслуженное наказание. Я знаю, что ты можешь до-

биться, будет только справедливо, девушка останется у меня в замке, она получит место горничной.

Графиня Корнелия направилась к выходу, Август последовал за ней, пытаясь что-то доказать. Карл-Отто задержался и, чуть понизив голос, произнес:

– Мой старший братец – порядочная сволочь, однако он сделает все так, как того хочет мама. И вы останетесь в замке!

Слова молодого графа подтвердились – следующим утром к Анне пожаловал господин, оказавшийся нотариусом, который запротоколировал ее показания. Оказалось, что графиня успела переговорить с Гундулой, герром Освальдом и фрау Гропп, которые, тронутые солидным вознаграждением, согласились дать показания против булочника Фосса и его супруги.

Еще через день графиня вновь посетила Анну (та уже окончательно оправилась и поднималась с постели) и рассказала подробности:

– Фосс и его жена отпирались недолго. Теперь им грозит солидный штраф и, возможно, тюремное заключение. С вас же сняты все обвинения. Надо признать, что без содействия напыщенного идиота и по совместительству моего старшего сына, я говорю об Августе, здесь не обошлось. Обычно в таких случаях никто не слушает показания несчастного, чья вина заключается только в том, что он – неарийского происхождения. Но имя фон Веллерсхоф слишком хорошо известно, а Август занимает в Берлине, под крылышком сади-

ста Гиммлера, достаточно высокое положение, чтобы нас посмели тронуть.

– Спасибо вам, госпожа графиня, – с чувством произнесла Анна.

К ее удивлению, старая аристократка продолжила неожиданно:

– Не исключено, что я еще не раз пожалею о своем опрометчивом поступке. А теперь вам надлежит покинуть будуар моей прабабки – ваша комната в южном крыле замка. Пора приниматься за работу!

После года мучений в семействе Фосс жизнь в замке Уленштайн, выстроенном в начале шестнадцатого века, показалась Ане раем. Но и у этого рая были свои изъяны – молодая женщина оставалась фактически рабыней – к ней хорошо относились, отлично кормили, никто ее не обижал: но свободы-то нет!

Впрочем, раз в неделю, когда выпадал ее выходной день, она покидала огромный замок, в котором насчитывалось не менее трехсот комнат, только двадцать из которых были обитаемы, и прогуливалась по старинному запущенному парку или поднималась на холм, откуда открывался чудесный вид на море.

* * *

Так, во время одной из прогулок, Анна и наткнулась на

молодого графа Карла-Отто. Он номинально числился сотрудником рейхсминистерства иностранных дел и иногда посещал столицу, однако большую часть времени проводил в семейном замке, вместе с матушкой. Он в отличие от Августа весьма скептически относился к национал-социализму, однако отказывался вступать в прямую конфронтацию с властью, ограничиваясь сарказмом.

Анна знала, что именно молодой граф обнаружил ее в конюшне, он же на руках принес ее, бывшую без сознания, в будуар своей прапрабабки. Он же потом уговорил матушку-графиню вступить за девушку и позволить ей остаться в Уленштайне.

Карл-Отто обожал верховую езду, собак и охоту. Он был хорош собой и умело пользовался своей внешностью – по слухам, граф Карл-Отто соблазнил не одну служанку и девицу из окрестных деревень. Горничные в замке нашептывали Анне, что Карл-Отто положил на нее глаз, а одна даже ляпнула, что он влюбился.

Услышав лай Нерона, Аня обернулась – граф, восседавший на гнедом рысаке, приблизился к ней.

– Вы тоскуете по своей родине? – спросил он.

Анна, еле сдерживая слезы, кивнула. И, неожиданно для себя, разрыдалась. Карл-Отто спешил, подошел к ней – и вдруг обнял.

– Мой муж, мой сын... – прошептала Анна. – Они...

– Я знаю, – нежно проговорил Карл-Отто. – Но вы... ты не

можешь жить прошлым!

Он поцеловал ее. Анна попыталась высвободиться, но молодой граф удерживал ее за руки.

– Прошу вас, оставьте меня, – дрогнувшим голосом попросила молодая женщина. Про себя она подумала: неужели все повторится, как было с Симончуком и с герром Фоссом? Она считала, что граф отличается от них, но, похоже, ошибалась.

Карл-Отто отпустил Анну, но продолжал настойчиво:

– Ты разительно отличаешься от всех тех, что мне попадались раньше. И я знаю, ты равнодушна ко мне!

Аня, отворачиваясь и подставляя заплаканное лицо ветру, возразила:

– Нет, граф, между нами ничего не может быть!

– Но ты ведь хочешь! – выкрикнул Карл-Отто и одним рывком развернул ее к себе. Крылья его носа раздувались, в глазах горел дьявольский огонь, пальцы были как железные. – Я знаю, что ты хочешь! Но боишься признаться себе.

Он снова поцеловал ее. И хотя Анна отчаянно сопротивлялась, колошматя фон Веллерсхофа кулачками по груди, ей исподволь хотелось, чтобы поцелуй длился как можно дольше. Послышался лай Нерона, граф отпрянул от Анны. Показалась телега. Граф, ничего не сказав, взлетел на коня, прищипил его и унесся прочь.

Той ночью Анна никак не могла заснуть. Она то рыдала, вспоминая Геннадия и Петеньку, думая о бабе Шуре, деде

Василии и Димке, то блаженно улыбалась, вновь и вновь вызывая в памяти одну и ту же сцену – она вместе с графским сыном на холме.

После того инцидента Карл-Отто, казалось, остыл к Анне. Он не замечал ее, даже не удостоивал взгляда, а если и обращался к ней, то в его голосе сквозило нетерпение и раздражение. Затем он надолго уехал в Берлин.

А тем временем ситуация на фронте коренным образом переменилась. Графиня Корнелия слушала английские и американские радиостанции, презрительно именуя сообщения немецких пресс-агентств «дешевой пропагандой». И именно от нее стало известно о том, что силы вермахта несут большие потери как на Восточном фронте, так и в Европе. И правда, скрыть создавшееся положение не были в состоянии даже самые изоциренные лгуны и краснобаи доктора Геббельса. Союзники освободили от фашистского ига Францию и Италию, а Красная Армия несокрушимой волной шла на Запад – в направлении Восточной Пруссии.

* * *

Поздней осенью 1944 года ситуация обострилась: уже мало кто из немцев верил в то, что удастся призвать фортуна на свою сторону и остановить грядущий крах Третьего рейха. Графиня, которая всегда выступала против Гитлера и его одиозного режима, казалось, боялась тем не менее того, что

последует за появлением в Восточной Пруссии, а затем и в остальной Германии советских войск.

Вернувшийся из Берлина Карл-Отто не скрывал, что Гитлер окончательно утерял чувство реальности и готов сражаться до «победного конца».

– Только конец будет вовсе не победный, а жалкий и кровавый, – услышала как-то Анна беседу сына с матерью. – Рейх спасти нельзя, что понимает даже такой идиот, как мой старший брат. Одна надежда – на сепаратные переговоры с американцами. Потому что, если здесь окажутся русские...

«Русские идут» – эта короткая, но емкая фраза наводила на всех ужас и во время празднования Рождества в 1944 году. Анна же была чрезвычайно рада тому, что вот-вот наступит момент освобождения.

Из Восточной Пруссии потянулись первые колонны беженцев – ходили разнообразные слухи о зверствах красноармейцев, но более всего немцы боялись мести со стороны тех, кого вермахт планомерно уничтожал и чью страну пытался сделать колонией.

Зима выдалась лютая – казалось, сама природа отвернулась от обездоленных и проклятых, вынужденных покидать свою родину. В самом начале марта, когда графиня приняла решение покинуть Уленштайн и перебраться в глубь Германии, у нее случился инсульт – он последовал через несколько часов после получения телеграммы, гласившей, что ее старший сын, группенфюрер Август фон Веллерсхоф, вместе со

своей семьей – супругой Изольдой и шестью детьми – погиб во время бомбежки Берлина.

Графиню парализовало. Многие из верных слуг предпочли заботиться о собственной безопасности и бежали прочь, бросив больную хозяйку на произвол судьбы. Анна, исполненная благодарности к графине Корнелии, спасшей ее некогда от верной смерти, заботилась о парализованной, однако силы старой аристократки угасали с каждым вздохом.

Она скончалась седьмого марта ранним утром. С неба валил рыхлый снег, завывал ветер, в замке было чрезвычайно холодно – центральное отопление из-за нехватки угля и торфа не работало, дрова были на вес золота. В Уленштайне от прежних двадцати работников осталось всего три, в том числе Анна.

Увидев, что графиня умерла, Анна отправилась в кабинет Карла-Отто. Тот сидел у камина и бросал в ненасытный огонь одну бумагу за другой. Слов не потребовалось – молодой граф все понял. Неловко поднявшись, он отправился в спальню к матери. Он пробыл там около двух часов, и только когда одна из служанок напомнила ему, что требуется заняться похоронами, наконец вышел в коридор.

Лицо Карла-Отто было бледным, губы тряслись. Он заперся у себя в кабинете и никого не желал видеть. Не захотел он присутствовать и на погребении графини, которая нашла упокоение вместе с многочисленными предками в домовый капелле замка.

Карл-Отто не реагировал на стук, а когда старый дворецкий попытался взломать дверь, заявил, что каждый, кто переступит порог, получит пулю в лоб. Только когда Анна, принеся ему поднос с едой, обратилась к нему, в замке лязгнул ключ.

Молодой фон Веллерсхоф походил на пьяного, хотя не брал в рот ни капли спиртного, – мутный зловещий взгляд, трехдневная щетина, всклокоченные волосы. Завидев Анну, он грубо схватил ее за руку и втащил в кабинет. Поднос с едой полетел на пол.

– Ты сделаешь все, что я захочу! – закричал он, бросая ее на диван. Молодая женщина понимала, что сопротивляться бесполезно – на столе лежал заряженный револьвер. Граф склонился над ней, его руки были готовы сорвать с Анны платье, но вдруг он отпрянул. Усевшись в кресло, тихо произнес: – Мне очень жаль. Я... я не в себе... Все закончилось...

Послышались сдавленные рыдания. Анне было очень жаль Карла-Отто. Она приблизилась к нему и положила ему на плечо руку. Молодой граф вздрогнул:

– Ты еще здесь? Оставь меня! Тебе здесь больше нечего делать. Всем нам тут нечего делать!

Он схватил со стола револьвер и поднес его к виску. Анна, вскрикнув, схватила его за запястье. Револьвер описал дугу, раздался выстрел.

– Ты... ты... – произнес граф.

Воцарилось долгое молчание. Карл-Отто поднялся из

кресла и повернулся к Ане. Его лицо переменялось – взгляд сделался осмысленным, пропала глубокая складка между бровей.

– Я обязан тебе жизнью, – произнес он.

– Мы с вами в расчете, господин граф, – ответила Анна. – Вы ведь тоже спасли мне жизнь.

Она направилась к двери, но Карл-Отто удержал ее за руку.

– Ты нужна мне, – произнес он. – Не бойся, я не посмею причинить тебе боль. Прошу тебя, не уходи!

В камине догорали, потрескивая, поленья. Анна посмотрела в глаза Карлу-Отто. Кто она – и кто он? Она – русская женщина с крестьянскими корнями, которая ждет прихода Красной Армии и освобождения. Он – немецкий аристократ, чья родословная восходит к королю-легенде Фридриху Барбароссе и который должен бежать, оставляя родное гнездо.

Их ничто не связывало, кроме того, что они спасли друг другу жизнь. И странное, тягуче-завораживающее чувство, то ли любовь, то ли вожделение, которое заполняло их мысли и тела.

– Я не уйду, – ответила Анна.

И Карл-Отто поцеловал ее. На сей раз она не оказывала сопротивления. Как же давно это было, что она получала наслаждение от поцелуя, от прикосновения мужских рук... Очень давно, с Геннадием, ее мужем. На секунду Анне стало стыдно, более того, невыразимо мерзко, как будто она со-

вершает предательство, но секунда прошла. Карл-Отто подхватил ее – и они оказались на диване.

Ночь дня, когда похоронили графиню Корнелию, стала их ночью. Анне было все равно, что советские войска вот-вот вторгнутся в Восточную Пруссию. Карлу-Отто было наплевать, что он вот-вот потеряет замок. Была ли то любовь? Или наваждение, безумие, отчаяние, тревога? Или радость, жизнь? Самоубийство или...

Никто из них не мог бы сказать это в ту ночь. Но они и не говорили. Слова не требовались, потому что чувства, облаченные в энергию, обретали причудливые формы – как тени от угасающего камина на старинных стенах замка Уленштайн.

Под утро, проснувшись, Анна увидела, что рядом с ней спит Карл-Отто – человек, которого она, возможно, любит и которого, наверное, она никогда больше не увидит. Она тронула губами его щеку, и молодой граф от ее прикосновения проснулся. За окнами замка завывала метель, но и сквозь нее была слышна канонада советской артиллерии.

– Мне придется покинуть Восточную Пруссию, – произнес хрипло фон Веллерсхоф.

– Я знаю, – ответила ему Анна.

Граф походил в потемках на привидение – да и она сама была всего лишь призраком. А их любовь, что, не начавшись, уже закончилась, ухмылкой химеры.

Граф привлек к себе Анну. Она ощутила его горячее, по-

рывистое дыхание, его шепот:

– Пойдем со мной! У матери в швейцарских и андоррских банках имеются деньги, нам хватит. Мы пробьемся к американцам. И там будет совсем другая жизнь. Только ты и я. Никакого графа и горничной. Ты станешь моей женой, Анна!

Ей сделали предложение? И она сможет быть счастлива?

– Нет, – ответила Аня просто, и фантазии разлетелись под глухой грохот дальнобойных орудий. – Я не могу. Мне надо обратно.

Он ничего не спросил. И не пытался остановить. И не обернулся, когда, одевшись, Анна направилась к двери. Только на мгновение она задержалась возле камина, вынув из серебряной рамки, стоявшей на каминной полке, фотографию Карла-Отто.

– Прощай, – произнесла Анна и вышла прочь.

Она все думала: а если он бросится за ней... если он попросит ее... если еще раз крикнет, что любит...

Но ничего этого не произошло. Она спустилась на первый этаж, где в кухне ютились несколько преданных слуг. Часом позже к ним зашел граф. Он был в пальто, в руках держал вместительный саквояж. Положив на деревянный стол толстую пачку рейхсмарок, он сказал:

– От лица своей покойной матери, своего покойного брата и своего собственного я благодарю вас, дамы и господа, за верную работу. Желаю вам всего наилучшего!

Он даже не посмотрел на Анну, но, когда оказался на по-

роге, вдруг обернулся. Это был тот взгляд, о котором думала Анна. Стоит ей сказать: «Да», и она окажется вместе с Карлом-Отто.

Сжав фотокарточку молодого фон Веллерсхофа, Анна отвела взгляд. Гулкие шаги в коридоре стихли, и она бросилась вслед за ним. В раскрытой входной двери свистел ветер, кружились хлопья снега. Цепочка следов. Следы от автомобильных покрышек. И метель, метель, метель...

* * *

Месяцем позже в замке Уленштайн появились советские войска – Кенигсберг только что пал, Восточная Пруссия сдавалась на милость победителя. Аня испытала чувство непередаваемой радости, когда увидела танки с красными звездами, – вот он, долгожданный момент, который, как ей часто казалось, никогда не наступит.

В замке появились советские солдаты и офицеры. Их в холле встречали слуги, в том числе и Анна. Один из офицеров спросил по-немецки:

– Где хозяйева?

– Они сбежали, – ответила Анна по-русски и улыбнулась.

Однако реакция офицера была странной. Он нахмурился, с прищуром взглянул на женщину и отчеканил:

– Ты кто такая? Отчего так хорошо говоришь по-русски?

– Меня зовут Анна Никишина, я была угнана на работу в

Германию из Нерьяновска, – ответила та робея. Вовсе не так представляла она себе встречу с советскими воинами.

– Так, так, – протянул офицер, подзывая к себе одного из солдат. – Значит, гнула спину на фашистов? Кому принадлежит замок? Где его владельцы? Ты все здесь знаешь – показывай, где ценности!

После того как Аня и прочая прислуга провели нескольких офицеров по Уленштайну, один из них, тот самый, что первым говорил с ней, приказал:

– Слуг допросить. Но, скорее всего, они ничего не знают. Старуху и старика можете потом отпустить. А вот эту...

Он недобро взглянул на Анну. Женщина не понимала, в чем заключается ее вина. Она попыталась объяснить офицеру, что оказалась в Германии не по своей воле, а была угнана оккупантами. Тот, недослушав ее, заявил:

– Все вы так говорите! Одни, значит, свою кровь проливают, за Родину сражаются, а другие во вражеском тылу отсиживаются, графьям прислуживают. С тобой разберутся!

Анну взяли под стражу, а затем передали на руки строгому военному. Тот, расположившись в одном из залов замка, в течение нескольких часов подробно выпрашивал ее о том, откуда она родом, как оказалась в Германии и чем занималась. Особенно привлекла его внимание история о том, как графиня Корнелия фон Веллерсхоф заступилась за Анну.

– Значит, представительница архиреакционной прусской аристократии, чей сын был одним из сообщников палача

Гиммлера, помогла тебе спастись? И что она потребовала взамен? Ведь в Нерьяновске располагаются военные заводы. Она хотела узнать подробности?

Подозрения были смехотворные! Подозрения были чудовищные. Аня пыталась донести до офицера простую мысль – что не все немцы были яркими сторонниками национал-социализма, а некоторые, например, графиня фон Веллерсхоф, с презрением и ненавистью относились к человеконенавистническому режиму.

– Вот ты как запела, – протянул развалившийся в старинном позолоченном кресле офицер. Он пустил в лицо Анне сизый сигаретный дым. – Значит, ты признаешь свою вину, Никишина?

Женщина оторопело взглянула на офицера:

– Но вы сами подумайте, какие тайны я могла раскрыть? Я же была в Нерьяновске в последний раз перед самым началом войны, в июне сорок первого. Да и на что графине Корнелии какие-то тайны военных заводов – война ведь немцами практически проиграна!

– И ты, сориентировавшись, решила переметнуться на сторону победителей, – заявил офицер. Затем поднялся из кресла и подошел к Анне. Положив перед ней листок бумаги и поставив чернильницу с ручкой, сказал: – У тебя имеется возможность сделать чистосердечное признание, Никишина. Настоящий советский человек никогда бы не стал работать на фрицев...

– Но мы оказались на оккупированной территории, и немцы угнали нас... – снова начала Анна.

Офицер бабахнул кулаком по столу и закричал:

– Подлинный приверженец идеалов Октября не сдастся врагу! И не попадает ему в руки! У тебя была возможность уйти к партизанам, например, или в речку с камнем на шее броситься! Но ты предпочла служить немчуре! Одно дело – оказаться в концлагере; однако ты, Никишина, жировала у графской семьи, жизнью наслаждалась, деликатесы жрала в то время, как мы проливали свою кровь за освобождение нашей советской Родины!

Анна попыталась объяснить, что оказалась у немцев не по своей вине – ведь Красная Армия в то время отступала в глубь страны и терпела поражение.

– Ты что, обвиняешь в своих бедах нашу доблестную Красную Армию, ведомую гением товарища Сталина? – голос офицера сорвался.

Анна вдруг подумала, что ослепление этого человека перед Сталиным сопоставимо с раболепием и трепетом, которые испытывал покойный Август фон Веллерсхоф, говоря о фюрере.

– Или ты, Никишина, исподтишка радовалась поражениям наших войск? И с нетерпением ждала, когда фрицы займут деревню, где ты находилась? Знаем, знаем мы таких, как ты, навидался я много. И учти – от заслуженной кары тебе не уйти!

Анну поместили в тюремную камеру – по иронии судьбы, раньше там находились противники национал-социализма, теперь же сидели советские граждане, которых обвиняли в сотрудничестве с немцами. Среди них в самом деле было несколько человек, которые перешли на сторону врага, однако подавляющая часть, как и сама Аня, были жертвами, угнанными против воли с Родины на чужбину. Шептались, что по специальному приказу с самого верха, чуть ли не самого Сталина, тех соотечественников, на кого советские войска натыкались по мере продвижения в глубь Германии, отправляли обратно в Союз – однако не в родные края, а в Сибирь, в лагеря.

Дни и недели тянулись бесконечно. В конце апреля со дня на день ожидали падения Берлина – вроде бы столицу рейха было приказано взять к Первому мая. Затем разнеслась весть о том, что Гитлер покончил жизнь самоубийством, а после был подписан акт о полной и безоговорочной капитуляции Германии.

В середине мая Анну вызвали на допрос – из Москвы прибыл некто высокопоставленный и важный. Приехал с проверкой, вроде бы специально для того, чтобы разобраться в судьбе взятых под арест.

Анна предстала перед высоким, тучным офицером с пронзительными синими глазами. На вид ему было лет сорок пять – сорок семь. Он молча пролистывал большую папку, видимо личное дело Анны, и даже не взглянул на нее, когда

она вошла.

– Садитесь, – произнес офицер, не поднимая головы. Затем, вынув из дела фотографию Карла-Отто, он спросил: – Кто это?

Анна растерялась – фотографию у нее отобрали при обыске, – и она вдруг проронила:

– Мой муж...

Офицер наконец соизволил посмотреть на Анну и, усмехнувшись, заметил:

– Ваш муж? Какой именно? Русский или немецкий?

Женщина поняла, что дело плохо. Как и многие другие, она отправится в Сибирь. Может быть, ей стоило тогда бежать с Карлом-Отто?

Анна почувствовала внезапную слабость, голова закружилась, перед глазами все поплыло. Такие приступы с недавнего времени повторялись все чаще и чаще.

– Если не хотите мне сказать, кто это, то я сам вам скажу, – заявил посланец из Москвы. – Граф Карл-Отто фон Веллерсхоф. Что вас связывает с ним?

Молодая женщина попыталась ответить, но не смогла – на нее накатила волна тошноты. Офицер брезгливо бросил:

– В общем, мне все с вами понятно. Итак, Никишина...

Он еще раз заглянул в дело Анны, затем посмотрел на женщину, которая, схватившись за живот, сидела перед ним на стуле, и вдруг живо спросил:

– Ваш муж – Геннадий Никишин? Служил в четвертой

танковой армии?

– Да, – прошептала почти беззвучно Анна. – Гена погиб на фронте...

– А вы – Анна Никишина? – словно не слыша ее, произнес офицер. – Верно, все сходится! Нет, ваш муж не погиб. Его тяжело ранило осенью сорок второго под Сталинградом, и врачи были уверены, что его не спасти.

– Вы знали Геннадия? – произнесла Анна.

– Еще бы, – ответил офицер. – Он спас мне жизнь!

Оказалось, что тогда, в сорок втором, московский контролер находился в действующей армии. На фронте во время обстрела его ранило. И наверняка он умер бы, если бы не лейтенант, рискнувший собственной жизнью и вытащивший его из пекла. Тем лейтенантом и был Геннадий Никишин.

– Он постоянно говорил о вас, – произнес офицер. – Генка думал, что вы погибли, когда немцы сожгли Гусёлку.

Анна, ощущая новый приступ тошноты, спросила:

– Мой муж жив?

– А как же! – расцвел московский контролер. – Я лично позаботился о том, чтобы мой спаситель, а он тоже был ранен, попал на стол к лучшему полевому хирургу и получил все необходимые медикаменты. Генка выжил! И сейчас, по моим сведениям, в Берлине.

Новость обрушилась на Аню, как молния. Офицер закрыл ее дело и положил в ящик стола.

– Вот что, Анна Никишина. Вообще-то вам надлежит впа-

ять пять лет и отправить в тайгу. Но с женой моего друга, которому к тому же обязан жизнью, я так поступить не могу. Будем считать, что неприятный инцидент исчерпан. Ваш муж по вас с ума сходит и все не может никак простить себе, что вы перед его уходом на фронт поссорились. Вот ведь Генка рад будет, когда узнает, что его жена не погибла!

Взглянув в улыбающееся лицо офицера, Анна пошатнулась и потеряла сознание.

* * *

Она пришла в себя в госпитале – кто-то держал у нее под носом марлю, пропитанную нашатырем.

– Отлично, – произнес врач и похлопал Анну по руке. – Не стоит волноваться, все в полном порядке. Поздравляю!

– С чем? – произнесла Анна, не понимая, что врач имеет в виду. Они находились в отдельной палате, которую, как узнала позднее женщина, для нее выхлопотал тот самый суровый московский контролер, друг Гены, ее мужа.

– С будущим прибавлением в семействе, – ответил врач.

Анна окаменела. С прибавлением в семействе? Что он имеет в виду? Неужели она беременна? Но... конечно же, ночь накануне побега Карла-Отто... Только он может быть отцом ее ребенка!

– Слышал, ваш супруг мчится на всех парах из Берлина, – говорил между тем доктор. – У вас могущественный покрово-

витель, генерал-майор Теняшин.

– Прошу вас, не говорите... Не говорите никому о том, что я жду ребенка, – выдохнула Анна. – Я хочу сама.

– Понимаю, – игриво улыбнулся врач. – Поэтому вмеша-ваться не собираюсь. А если генерал-майор поинтересуется, то скажу, что у вас, гм, проявления авитаминоза.

Он вышел из палаты, и Анна погрузилась в недобрые, тре-вожные мысли. Иного объяснения нет – она ждет ребенка от Карла-Отто фон Веллерсхофа. Он за последние почти три года был единственным мужчиной, с которым она предава-лась любви. Но как воспримет такую новость Геннадий, ко-торый с минуты на минуту окажется в госпитале?

Дверь распахнулась, и Анна увидела огромный букет си-рени. Затем показалась стриженная голова ее мужа. Геннадий влетел в палату и бросился к кровати, на которой лежала его жена.

– Не плачь, родная, – произнес он, покрывая ее лицо по-целуями. – Я знаю, что Петюшка умер... И ты считала, что я убит... И тебя угнали фашисты... Но теперь все в прошлом, мы нашли друг друга!

Анна боялась сказать, что плачет вовсе не от радости, а от страха.

– Я ведь тоже думал, что навсегда потерял тебя. И чуть с ума не сошел, когда Мишка сообщил мне, что ты жива! Гады немцы угнали тебя в Германию! Анечка, ты можешь меня простить? Каким же я дураком был!

Геннадий говорил и говорил, Анна улыбалась, любуясь счастливым мужем, но в голову лезло одно и то же воспоминание – она вместе с Карлом-Отто на диване, в кабинете замка... Как ни был переполнен радостью Геннадий, он никогда не сумеет простить и понять. И ребенка, которого она носит под сердцем, он отвергнет. Но разве имеет Анна право причинить мужу такую боль? Выход один – аборт! Но как и где она сделает его в Восточной Пруссии?

– Я так по тебе соскучился, милая моя, – вернул ее к действительности голос Геннадия. Ветки сирени рассыпались по полу, муж оказался в кровати вместе с Анной.

– Что ты делаешь! – воскликнула она, но Геннадий ответил:

– Нас никто не потревожит, личное приказание генерал-майора Теняшина. Анечка, мне ведь никто другой, кроме тебя, не нужен...

То, что произошло далее, было быстрым, бурным и бесцветным. Анна закрывала глаза и вновь вспоминала ночь любви с Карлом-Отто. И тут же одергивала себя: как она может думать о нем?! Ведь она любила Геннадия. Вот именно, любила. Но любит ли сейчас?

– Ты для меня – вся моя жизнь! – произнес мечтательно муж. – Мишка сказал, что поможет выволить тебя. Ты вернешься в Союз, и он даже сделает так, чтобы у тебя отметки не было о том, что ты оказалась в оккупации, а затем была угнана на работу в Германию. А то, понимаешь, не с руки

как-то – я же теперь герой! Меня к Звезде Героя представили! И заметка в газете была. Хочешь, покажу?

Анна немного успокоилась. Карл-Отто остался в прошлом, к которому нет возврата. Аборт она сможет сделать в Союзе. Геннадий ни о чем не узнает. И они вернуться к прежней жизни.

Муж показал ей первую полосу газеты, на которой красовалась его фотография.

– У, какие у меня планы, Анечка! Вернемся в Союз, в родной Нерьяновск. Я на завод устроюсь, а ты – снова в школу. Детишек заведем! Я так этого хочу. А ты?

Не желая разочаровать мужа, Анна быстро ответила:

– И я тоже, Гена!

* * *

Две недели спустя она была в Нерьяновске. Город пострадал во время оккупации, был большей частью разрушен и теперь отстраивался заново. Никого из родных Ани в живых не было – они погибли во время оккупации. Зато осталась жива и невредима Таисия Федоровна, мать Геннадия, которая всем хвалилась, что ее сын получил Звезду Героя Советского Союза, а его фотографии были напечатаны в газетах.

Правда, из цветущей, самоуверенной женщины Таисия Федоровна превратилась в седую старушку с дребезжащим голосом, однако характер ее остался прежним. Едва Анна

переступила порог квартиры (для генерал-майора Теняшина не составляло труда сделать так, чтобы семья его лучшего друга получила трехкомнатные апартаменты в одном из новых домов), Таисия Федоровна воскликнула:

– О, милочка, да ты брюхатая! И когда только успела? Наверняка Геночку затащила в койку, как только он к тебе из Берлина примчался. Знаю, знаю обо всем, он мне рассказывал! Думаешь, ребенком его к себе привяжешь сильнее?

Анна не знала, как свекровь смогла тотчас определить, что она находится в положении, – ведь и платье специально надела свободное, и живот еще расти не начал. А ведь разглядела, будь она неладна!

– Что так кисло смотришь? – спросила подозрительно Таисия Федоровна. – Геночка ни о чем еще не знает? А ты и говорить не собиралась, Анна? Задумала от плода избавиться? Но ты же знаешь, как он детишек обожает!

Пришлось отказаться от мысли об аборте. Да Аня и сама не могла поверить, что решилась бы на подобный шаг. Ведь ребенок, который появится на свет и который Геннадий будет считать своим, – единственное связующее звено между ней и Карлом-Отто. На дне чемодана она хранила фотографию фон Веллерсхофа, вырезанную из старого иллюстрированного журнала. Вездесущая свекровь, конечно же, отыскала ее и, повертев в руках, спросила:

– А это кто такой, Анна?

– Не знаю, – ответила та как можно более спокойно, бо-

ьясь, однако, посмотреть в глаза любопытной Таисии Федоровне. – Чемодан не мой, видимо, осталось от прежних владельцев.

– Ну, коли не знаешь, то и нечего всякому мусору делать в нашей новой квартире. Видишь, какие потолки высокие, а какая кухня просторная? И люстры будут хрустальные, как у важных людей, и ванна чугунная, с колонкой. Телефона пока нет, но в следующем месяце поставят. Тогда не хуже, чем профессора, будем жить!

Свекровь, разорвав фотографию Карла-Отто, выбросила ее в мусорное ведро. Ночью, поднявшись украдкой, Анна босиком (не дай бог свекровь, чей сон был чуток, проснется!) пробралась в кухню, где, не зажигая свет, на ощупь, извлекла из ведра клочки. Днем, воспользовавшись тем, что Таисия Федоровна ушла на рынок, собрала обрывки воедино, осторожно приклеила их на лист ватмана и затем прогладила утюгом. Изображение Карла-Отто она спрятала под стопкой своего нижнего белья, зная, что свекровь никогда к нему не прикасается.

Геннадий, узнав, что жена беременна, был на седьмом небе от счастья. Он не сомневался, что является отцом ребенка. Анна думала о том, что возникнет трудность с датой его рождения – по официальной версии она забеременела в середине мая, а на самом деле еще в марте. Ей с большим трудом удалось отвязаться от назойливой Таисии Федоровны, которая, как и Геннадий, радовалась скорому появлению

малыша, и одной попасть на прием к главному гинекологу Нерьяновска, о чем позаботился все тот же генерал-майор Теняшин.

– Анна Алексеевна, повода для беспокойства нет, – уверил ее гинеколог. – Уверен, что все будет в полном порядке, и вы и ваш супруг станете родителями очаровательного здорового малыша.

Таисия Федоровна что-то заподозрила, ворчала, что живот растет слишком быстро, но радость Геннадия, который в начале сентября вернулся на Родину, была такая большая и неподдельная, что он не обращал внимания на брюзжание матери.

Рождение ребенка ожидалось в первой половине февраля, и то, что Анна переходила настоящий срок (середина декабря), было только на руку. Схватки начались поздним вечером пятого января, что немало взволновало Геннадия и в особенности Таисию Федоровну.

– Ой, не к добру! – зудела она. – Лучше бы семимесячным родился, а то появится на восьмом месяце. Такие детки, говорят, болезненные!

Роды прошли на редкость быстро и безболезненно, и ранним утром шестого января на свет появилась крупная синеглазая девочка с черными волосиками на голове. Геннадий хотел назвать ее в честь матери Таисией, однако Анна настояла, чтобы дочь нарекли Марианной. Графиню фон Веллерсхоф, истинную бабушку девочки, звали Марией-Корнели-

ей. Мария плюс Анна – выходит Марианна.

– Странное имя, нерусское какое-то, – заявила недовольная свекровь. – И чего тебе такое в голову взбрело, Анна?

Впрочем, начались иные заботы, которые заставили напроць забыть споры об имени малышки. Марианна оказалась на редкость здоровым ребенком с очень хорошим аппетитом и росла не по дням, а по часам. Всматриваясь в лицо дочери, мирно посапывающей у нее на руках, Анна удивлялась тому, как она похожа на своего отца – Карла-Отто фон Веллерсхофа. А Геннадий, русский, с серыми глазами, почему-то был уверен, что Марианна – вылитая его копия. Таисия же Федоровна заявляла, что внучка пошла в ее мать-казачку.

Жизнь с Таисией Федоровной не очень-то заладилась – свекровь, верная своему характеру, норовила руководить воспитанием внучки. Но как-то приспособились. Геннадий, окончивший заочно институт, получил диплом инженера и хорошую должность на Нерьяновском тракторном заводе. Анна отправилась учительствовать в школу. Михаил Теняшин (ставший к тому времени генерал-лейтенантом) сдержал свое слово и позаботился о том, чтобы жена его спасителя и друга получила «чистые» документы – нигде не было упоминания о том, что во время войны она находилась в Германии, и Анна довольно быстро заняла должность завуча, а через несколько лет – и директора школы.

Марианна росла сообразительной и прилежной девочкой, которая схватывала все на лету и, к удивлению отца, прояв-

ляла особый интерес к точным наукам и немецкому языку.

Редко, всего несколько раз в год, Анна доставала пожелтевшую, склеенную вырезку из журнала – портрет Карла-Отто фон Веллерсхофа. Она как-то пыталась навести о нем справки, однако быстро поняла, что ее интерес к представителям немецкой аристократии может привести к неприятным последствиям.

Геннадий много раз заводил с женой разговор о том, что неплохо бы им завести еще одного ребенка, а лучше всего – нескольких. Но дети что-то не получались. Анна даже съездила в Москву, к маститому профессору, рекомендованному ей генерал-лейтенантом Теняшиным, и тот, проведя обследование, заявил, что больше матерью ей не стать. Во всем оказалась виновата ангина, которую Анна перенесла в 1947 году (даже несколько дней находилась между жизнью и смертью). Геннадий был расстроен, однако довольно быстро смирился с тем, что Марианна будет единственным ребенком в семье.

Марианна ходила в ту же школу, где директором была ее мать, однако Анна следила за тем, чтобы дочери не делали поблажек. Большой интерес Марианна проявляла и к спорту – баскетболу, плаванию, хождению на байдарках. В десятом классе, задумываясь о выборе будущей профессии, она колебалась между специальностью инженера и стезей химика.

Неожиданная смерть Геннадия весной 1962-го в возрасте сорока восьми лет стала для Анны тяжелым ударом. Ей по-

звонили с завода, где муж занимал должность начальника цеха, и сообщили, что у него случился инсульт. Анна бросилась с занятий в больницу, где застала мужа обездвиженным, под капельницей, без сознания. Он скончался тем же днем, причем, как выяснилось, клинически мертв он был в ту же секунду, когда в мозгу у него разорвался сосуд, и ничто уже не могло спасти его.

Смерть отца оказала большое влияние на планы Марианны, решившей поступить в медицинский институт. Девушка, окончившая школу с серебряной медалью (единственная четверка была по тригонометрии), отправилась в Воронеж, где, к своему удивлению, срезалась на экзамене по физике. Анне она прислала телеграмму, гласившую: «Ура, провалилась. Еду домой».

* * *

Анна чувствовала скрытую вину за смерть Геннадия, однако в то же время ощущала облегчение – правда о рождении Марианны навсегда останется тайной за семью печатями. После похорон мужа Анна с удивлением обнаружила, что осталась практически одна. Таисия Федоровна умерла за три года до кончины сына, а многочисленные друзья, приятели и знакомые, которых хлебосольный Геннадий приводил к себе в гости, бесследно исчезли.

Марианна после смерти отца решила не оставлять маму

одну, поэтому надумала поступать в Нерьяновский медицинский институт. Теперь обязательным условием для этого было наличие рабочего стажа, поэтому два последующих года Марианна работала санитаркой в больнице. Наконец, блестяще выдержав вступительные экзамены, девушка стала студенткой.

Анна гордилась дочерью и, рассматривая фотографию Карла-Отто, с нежностью думала о графском сыне. Судьбе было угодно сделать так, чтобы они расстались и больше никогда не встречались. Женщина находила, что дочь становится похожа на графиню Корнелию – тоже высокая, темноволосая, с темно-синими глазами и узкими губами. Анна много раз порывалась рассказать о своей канувшей в Лету короткой любви, но в последний момент пасовала: что это даст? Карл-Отто наверняка нашел себе спутницу жизни. Возможно, что его, как и Геннадия, уже нет в живых, так к чему же ворошить прошлое?

Марианна, специализировавшаяся на терапии, окончила медицинский институт одной из лучших, с красным дипломом, затем отправилась в Киев в ординатуру, а позднее и в спецординатуру. Анна осталась совершенно одна. Она ушла с головой в работу, проводя в школе иногда по восемнадцать часов. Все чаще и чаще она смотрела на выцветшую, измятую по краям фотографию Карла-Отто. Большой портрет Геннадия висел на стене в гостиной, но, к своему стыду, Анна редко думала о покойном муже.

Вернувшись с Украины, Марианна стала работать участковым терапевтом в одной из поликлиник Нерьяновска. В 1976 году дочь сообщила ей, что получила вызов из Новороссийского морского пароходства – ее приглашают судовым врачом на танкер, совершающий рейды за границу.

* * *

Однажды, услышав из прихожей частые телефонные звонки, Анна подумала – звонит дочка. Подняв трубку, она уже предвкушала разговор с Марианной, но вместо этого услышала тревожный, беспощадный голос:

– Анна Алексеевна Никишина? С вами говорит начальник департамента стран Латинской Америки Министерства иностранных дел СССР Плотников. К большому сожалению, у нас имеются неутешительные вести о вашей дочери, Марианне Геннадьевне. Она находится сейчас в республике Коста-Бьянка под арестом – ее обвиняют в убийстве и торговле наркотическими препаратами...

Сашá

Жан-Ксавье припарковал автомобиль перед трехэтажным домом. Затем, миновав две улицы, подошел к небольшому старинному особняку. Беглого взгляда на таблички хватило, чтобы увидеть искомое имя – Сашá Монтини. Его сведения были верными – девчонка проживала здесь, на втором этаже.

Делая вид, что говорит по мобильному, Жан-Ксавье, перейдя на противоположную сторону, внимательно изучил окна. Синие шторы, на угловом окне спущены жалюзи. Наверное, там находится спальня малышки.

Он вытащил из кармана фотографию красивой молодой женщины с короткой стрижкой и огромными синими глазами. Жан-Ксавье облизнулся и подумал, что хорошо бы такую затащить в постель. Он, конечно, мог бы перед тем, как приступит к тому, ради чего прибыл в Вену, но это не будет соответствовать его уровню.

В Вене он оказался с очередной миссией. Чертова работа! Когда-нибудь она его доконает. Только ведь надо же как-то зарабатывать деньги на жизнь? Кто-то выступает в суде, кто-то делает пластические операции, кто-то управляет самолетами, а Жан-Ксавье, родившийся в кантоне Урии, прошедший детство на Корсике, окончивший школу в Лозанне и служивший в иностранном легионе в Анголе, Сьерра-Леоне и Мексике, был специалистом узкого профиля. Свое первое

дело он отлично помнит – все случилось в его семнадцатый день рождения, в Риме. Крови было много, но что взять с наивного дилетанта... С тех пор прошло двадцать два года, и он многому научился, достигнув небывалых высот в мастерстве убийства.

Да, Жан-Ксавье был наемным киллером, и его задачей была физическая ликвидация неудобных его клиентам людей. В Вену он прибыл, чтобы совершить очередное убийство. Сколько именно человек было на его совести, Жан-Ксавье не помнил. Только в дешевых американских боевиках убийцы ведут список жертв. Он сбился со счета еще лет десять назад, и тогда количество жертв, отправленных его руками к праотцам, перевалило за три десятка.

Итак, имя объекта – Саша Монтини. Симпатичная бабенка, но он не имеет права терять голову. Это было бы верхом непрофессионализма. Примерно то же самое, что и испытывать жалость к жертве. Жан-Ксавье никогда не ощущал ни жалости, ни, впрочем, ненависти. Разве ненавидит хирург раковую опухоль, которую вырезает из тела пациента? Испытывает ли мясник гнев по отношению к свинье, из которой требуется сделать окорок?

Жертвы были для него не людьми, а объектами. Так и Саша Монтини. Жан-Ксавье справится с девчонкой в два счета и сегодня же вечером улетит на Мальдивы, где недельку-другую расслабится в президентском люксе пятизвездочного отеля. Тот, кто заказал и уже наполовину оплатил смерть

очередного объекта, был далеко не бедным. Как и все те, кто желал воспользоваться в своих интересах его услугами.

Услугами наемного убийцы.

* * *

Жертвы дома не было, как того и следовало ожидать. Она работала в женском журнале и находилась у себя в офисе. Жан-Ксавье неделю следил за девушкой, чтобы узнать расписание ее дня. Вообще-то он мог нанести удар раньше, однако ему доставляло удовольствие вести наблюдение за Саша́. Привлекательная особа, но ничего не поделаешь – ее требуется убить. Жан-Ксавье решил, что она умрет быстро, без малейших мучений. Если бы клиент хотел, то оплатил бы жесткость в двойном размере, но ему требовалось просто избавиться от девицы, причем так, чтобы ее смерть походила или на несчастный случай, или на ограбление.

За время слежки Жан-Ксавье не обнаружил ничего экстраординарного. Саша́ поднималась достаточно рано, долго сидела на кухне, где пила кофе и пролиставала прессу, затем отправлялась на работу. Три раза в неделю, по вторникам, четвергам и субботам, журналистка посещала фитнес-зал. Он сразу понял, что проблем с ней не возникнет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.